

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

ТАНЕЦ ПОБЕДИТЕЛЯ*

РОМАН-БИОГРАФИЯ

Глава сорок первая

ДАЛЕКО ОТ СТОЛИЦЫ

“Здесь почти ничто не напоминало о той тягостной атмосфере, которая окружала его в Москве...”

Показания адъютанта Сёмочкина ударили Жукову в самое сердце. В январе 1948 года у маршала случился первый инфаркт. Его уложили в кремлёвскую больницу. К счастью, всё обошлось без осложнений. Организм был ещё крепкий. Через три недели Жукова из “кремлёвки” спешно выписали на службу. В таких случаях говорят: “выпихнули”. Так и было.

В первых числах февраля Жукова, ещё не вполне оправившегося от болезни, вызвал к себе министр Вооружённых Сил СССР, к тому времени уже маршал Советского Союза, Булганин и вручил приказ о назначении на новую должность. Снова — на округ, на Урал.

Вопреки существовавшим правилам, назначение было произведено не Советом министров как высшим исполнительным органом государства, а приказом министра. Так назначались на должности командующие армиями.

Вручив приказ, Булганин довольно сухо напутствовал:

— Прошу в Москве не задерживаться. Даю вам на сборы два-три дня. Долечитесь на месте прохождения своей дальнейшей службы.

Но Сталин не мог отпустить Жукова, не повидавшись с ним. Должно быть он, постаревший и тоже недавно переживший инфаркт, почувствовал, что, отпуская маршала на этот раз далеко, может больше не увидеть его никогда.

Жуков вошёл в кабинет Сталина. Тот усадил его напротив и молча подвинул к нему пухлую папку. Это было досье на него.

Маршал начал читать. А Сталин сел в кресло и раскурил трубку.

— Что скажете, товарищ Жуков? — наконец спросил он и кивнул на папку.

— Здесь есть правда, полуправда, но в целом — это ложь! — ответил маршал.

---

* Журнальный вариант. Главы из книги о маршале Георгии Константиновиче Жукове. Полный текст готовится издательством “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей”. Первые главы романа-биографии были опубликованы в №6 за 2014 год, в №5 и №6 за 2015 год.

— Я вам верю, товарищ Жуков. А сейчас отправляйтесь к новому месту службы.

В Свердловск, где располагался штаб Уральского военного округа, Жуков прибыл вместе с женой Александрой Диевной, охраной и группой обслуживания, в которой, кстати, по-прежнему состояла кроткая и исполнительная Лида Захарова. Она была рядом с маршалом и в Москве, и в Одессе, везде.

Уральский военный округ Жуков принимал от генерала Кузнецова. Фёдор Исидорович болел, и его отправляли в отставку. Генерал Жадов, прибывший из Москвы тем же спецпоездом в качестве члена “приёмопередаточной комиссии”, впоследствии вспоминал: “Положение в ряде частей было не на высоте, и, строго говоря, мы обязаны были все недостатки отразить в специальном акте. Фёдор Исидорович уходил в отставку, и мне очень не хотелось этого делать. Выручил Георгий Константинович.

— Ничего не надо писать, — сказал он, — тут дело ясное, разберусь сам. Он сдаёт, а я принимаю.

Этим самым он взял всю ответственность за имевшиеся недостатки в округе на себя”.

А между тем накануне прибытия спецпоезда в Свердловск генерал Кузнецов получил шифровку с предписанием: “...не устраивать никаких официальных встреч”. И в Свердловске Жукова встретили так же тихо, как и в Одессе.

Стоял сильный мороз — под минус тридцать, да ещё с ветром. И это обстоятельство, вопреки всему, подняло Жукову настроение. Он прибыл в ссылку, и всё этому соответствовало. Перед отъездом из Москвы, как вспоминает Эра Георгиевна, на вопросы близких и родни, почему посылают так далеко, Жуков с усмешкой говорил: “Бояться, что по морю в Турцию сбегу”.

Суровый край встретил маршала сердечным теплом уральцев. С ними он сразу нашёл общий язык. Многие знакомства впоследствии переросли в дружбу.

На следующее утро по прибытии Жуков назначил совещание в штабе округа. Первые же поездки по воинским частям произвели угнетающее впечатление. В войсках, подчинённых ему прежде, так не служили.

Округ большой, полки и дивизии разбросаны по Курганской, Свердловской, Пермской, Челябинской, Кировской областям.

Однажды приехал в полк, где должны были проводиться плановые стрельбы. Командира части о своём визите не предупредил.

На стрельбище — тишина. Оказалось, комполка находится в командировке. И в полку о проведении занятий никто и не думает. Жуков собрал командиров батальонов и отдал приказ: приступить к плановым стрельбам. Спросил: “Где заместитель?” — “В штабе”. — “Ведите к нему”. Пришли. И вот какая картина: сидит солдат и рисует “Боевой листок”, рядом — заместитель командира полка. Жуков спросил: “Чем вы заняты?” — “Руководжу”.

На учениях близ Чебаркуля под Челябинском произошёл такой случай. Дивизия с ходу форсировала реку и затем развивала наступление в глубину. Начальник химчасти — капитан — должен был выполнить следующую задачу: “При подходе войск к реке последовательно выпустить две ракеты” — зелёного цвета (сигнал для начала артподготовки), и дымовую (создать завесу для скрытного преодоления частями водной преграды). Командир дивизии сказал начиму: выполнишь задание — пищу представление на майора. Капитан в армии служил долго, о майорских погонах буквально грезил. Когда наступила решительная минута, он так разволновался, что перепутал ракеты и вначале запустил дымовую. Артиллерия стреляла наугад.

Жуков, наблюдавший за ходом форсирования реки в бинокль, спросил командира дивизии:

— В чём дело?

Тот вкратце пояснил.

— Доставить сюда этого капитана.

Тот вскоре явился. Старому солдату достаточно было одного взгляда, чтобы понять — не воин.

— Вы хоть понимаете, что вы сделали? — спросил Жуков.

Тот молчал.

— Ваша дурацкая дымовая завеса сыграла на руку противнику!

Артиллеристы тем временем отстрелялись, как смогли. Когда на НП доложили результаты огневого налёта артиллеристов, Жуков кивнул на капитана и скомандовал:

— Расстрелять.

Бедного капитана тут же подхватили под руки и куда-то повели. Немного успокоившись, Жуков подозвал адъютанта:

— Вот что... Догони-ка их. Да поживей! А то ещё сдуру на самом деле расстреляют.

Капитана из армии уволили.

Ещё один случай. Шли зимние учения. Несколько суток бушевала пурга. Войсковые колонны вышли к рубежу развёртывания и вскоре, завязнув в снегу, встали. Грузовики с мотострелками, артиллерийские тягачи, танки — всё остановилось. Жуков наблюдал с НП это оцепенение и ворчал:

— Суворов не имел ни танков, ни авиации, ни грузовиков, но Альпы одолел. Кутузов безо всякой механической тяги Наполеона разгромил. А у нас такая мощная техника, и — нате вам! Случись такое на войне — колонна погибла!

Оглянулся на своих офицеров и, заметив растерянность в их глазах, скомандовал:

— Быстро собрать всех водителей и механиков-водителей из числа фронтовиков, пусть сядут за баранки, в застрявшие танки и покажут нашим командирам, как следует готовить молодых специалистов для действий в сложной обстановке!

Закипела работа. Колонна шевельнулась и пошла...

Но больше всего Жукова выводили из равновесия лживые донесения и приписки. Очковтирательство. В таких случаях в нём поднималась буря:

— Если пообещал, дал слово — пересоли, но выхлебай!..

Как известно, строгий командир врагов наживает быстро и немало, но верных друзей и соратников у него — полки.

Попадались под тяжёлую маршальскую руку и генералы.

Однажды прибыл из Москвы для дальнейшего прохождения службы при штабе округа генерал. Известный. Фронтовик. Встретили его со всей душой. Генерал представился маршалу. А вечером в офицерской столовой штабные офицеры организовали ужин по случаю прибытия боевого, так сказать, товарища. Загуляли. Да так, что генерала пришлось грузить в машину и везти на квартиру. Но увезли бедолагу в одном кителе, шинель забыли на вешалке. Утром пришли официантки, видят: на вешалке генеральская шинель... Пошли разговоры, шутки. Дошло до командующего. Жуков вызвал протрезвевшего генерала и сказал:

— Можете получить в отделе кадров предписание на обратный билет до Москвы. Вашу дальнейшую судьбу пусть решает Главное управление кадров. — И по "вертушке" соединился с Булганиным: — Николай Александрович, я тут отстранил от должности генерала такого-то. Прошу утвердить моё решение и прислать более надёжного. Спасибо. До свидания.

Но и Жукову тоже порой доставалось. Коммунисты на партсобраниях указывали на его несдержанность и грубость. Однажды на окружной партконференции выступил фронтовик старшина Демьян Кузьменко:

— Зараз хочу сказать, что все мы гордимся тем, что служим под командованием такого прославленного героя войны, как маршал Жуков, и высоко ценим его фронтовые заслуги и начатые в нашем округе дела. Но скажите, Георгий Константинович, положив руку на сердце, почему это, когда вы приезжаете куда-нибудь в полк или в батальон, все офицеры прытко разбегаются и прячутся, стараясь не попадать вам на глаза? Вы не примечали таких картин?

В августе 1948 года старшая дочь Жукова Эра вышла замуж за сына маршала Василевского Юрия. Александр Михайлович Василевский в то время занимал пост начальника Генштаба и заместителя министра Вооружённых Сил СССР.

Из воспоминаний Юрия Александровича Василевского: “В 1948 году я женился на Эре Жуковой. Отец, честно говоря, был не в восторге. В это время Сталин всячески пытался не допустить дружбы между главными полководцами войны. А уж семейные связи вообще были крайне нежелательны. Мы стали меньше общаться. Жили мы с Эрой у Жуковых на улице Грановского. Георгий Константинович в это время был в Свердловске, оставил меня за старшего. Я шёл своим путём, после военной академии служил в Германии, окончил в шестьдесят пятом году Академию Генштаба, после этого меня направили в Тбилиси, потом в Ташкент. Отец всегда расспрашивал меня о службе. Он гордился тем, что я служу так далеко от Москвы, в очень тяжёлых условиях. Когда из Ташкента меня перевели в Алма-Ату, у нас не было даже квартиры. Отец отсутствовал: “Сначала думай о людях, а потом о себе”.

Жуков не просто любил зятя, он уважал его как человека и офицера.

Эра училась на юридическом факультете в МГИМО. На каникулы приезжала в Свердловск.

Из воспоминаний Эры Георгиевны Жуковой: “Дача, выделенная отцу, находилась в совершенно потрясающем по красоте месте. В густом лесу на берегу озера Балтым стоял забавный довольно большой дом, абсолютно несимметричный, похожий на терем. Он состоял как бы из нескольких ярусов, в каждом были разнообразные башенки и балкончики. Точно не помню, кому принадлежало авторство проекта этой дачи, но жить там было интересно”.

Эра Георгиевна вспоминала, как во время каникул она приехала к родителям в Свердловск на берег Балтыма вместе с мужем Юрием Василевским, как они купались, рыбачили, катались на лошадях и ходили на охоту. Жуков с удовольствием проводил свободное время с молодёжью. Зять был страстный рыбак.

Из воспоминаний Юрия Александровича Василевского: “Георгий Константинович Жуков — заядлый охотник — говорил мне: “Ты занимаешься несерьёзным делом”. А потом сам втянулся, да так, что его от этого занятия невозможно было оторвать. Я научил его делать блёсны, и у него это стало получаться даже лучше, чем у меня”.

Жуков любил людей самобытных, цельных. Когда служил в Одессе, захватил однажды в глазной госпиталь, которым руководил профессор В. П. Филатов. В госпитале лежали на излечении фронтовики — танкисты, лётчики, моряки, — имевшие тяжёлые ранения глаз. Проведал их, поговорил. Среди раненых было много безнадежных. Жукова удивило, что всем им профессор Филатов продолжал делать сложнейшие операции. И некоторым действительно возвращал зрение.

С Владимиром Петровичем Филатовым они подружились. Бывали друг у друга в гостях. Подолгу разговаривали. Филатов — офтальмолог мирового уровня. Его пациентом был Сталин — лечился от глаукомы. Филатов обследовал и Жукова. И с удовлетворением констатировал, что зрение у него в пределах нормы. Когда Жуков бывал у него дома, не раз замечал в кабинете на рабочем столе раскрытое Евангелие. Под киотом с иконами всегда горела лампадка. В Одессе все знали, что храм святителя Дмитрия Ростовского на Втором христианском кладбище не закрыт только потому, что о продолжении богослужений в нём профессор просил самого Сталина. Книголюб, стихотворец, живописец, агроном... Однажды Филатов произнёс фразу, которую Жуков запомнил на всю жизнь: “Путь человечества лежит в добротворчестве”. Маршалу профессор напоминал его сельского учителя Сергея Николаевича Ремезова. Оба деревенские, Филатов — Пензенской, Жуков — Калужской губернии, они быстро находили общее, какую бы тему ни обсуждали.

На Урале Жуков познакомился и так же близко сошёлся с писателем Павлом Петровичем Бажовым. Ему нравились добрые и мудрые сказки и сказы, хранящие тепло русской народной души. Сказка — ложь, да в ней намёк...

Бажов в то время был уже почтенным старцем. Любил копаться в своём огороде. Жуков приказал порученцу разыскать “Малахитовую шкатулку”

1939 года издания, перечитал книгу и полюбил старика ещё крепче. Порой заезжал к нему прямо с учений, с поля. У Павла Петровича всегда горячий чайёк на травах, и им было о чём поговорить. Бажов дважды сидел в тюрьме у белых, дважды его исключали из партии красные. Оба раза восстанавливали. Его творчество было отмечено Сталинской премией 2-й степени и орденом Ленина. Только после того, как вручили орден Ленина, писатель разобрал чемоданчик с бельём, стоявший рядом с письменным столом в рабочем кабинете, — каждую ночь ждал приезда “чёрного воронка”.

Порядок в округе новый командующий навёл за несколько месяцев, уровень боевой подготовки заметно повысился. Особое внимание Жуков уделял занятиям спортом. В частях были созданы хоккейные и футбольные команды. Вскоре они принесли победы на республиканских соревнованиях.

Однажды командующий обратил внимание на то, что офицеры распонели, животы не вмещаются в гимнастёрки, висят через портупей. И приказал всем командирам и политработникам ежедневно заниматься физподготовкой.

Сам в это время делал физические упражнения два раза в день. И не терял кавалерийской формы. Ездил верхом, летом плавал на Балтыме. На даче под навесом лежали две двухпудовые гири, отшлифованные до блеска. Сильный характер, умение владеть собой и держать удар, свежий воздух и дух Урала, физические упражнения и любимая работа в войсках помогли Жукову в короткое время полностью восстановить здоровье.

Урал Жукову нравился. И природа, и люди.

На досуге охотился. В лесах близ Шадринска — на косуль. В Огневском охотхозяйстве, что севернее Челябинска, на озёрах Шугуняк и Кабанье — на уток: крякву, чирка, лысуху. На пролёте стрелял свизая, синьгу, турпана, каменушку, крохала, савку...

Но особенно пристрастился к охоте с русскими гончими. Собак порой собирали по всему округу. Председатель окружного Совета военных охотников и рыболовов подполковник Мухачёв рассказывал, как однажды он с егерем Василием Банных привёз на охоту четырёх русских гончих. Все четыре — победители различных конкурсов. Жуков залюбовался ими и сказал:

— Собаки хороши. Лучше иметь хорошую рабочую собаку и дешёвое ружьё, чем плохую собаку и дорогое ружьё.

Однажды близ Двуреченска егерь выследил матёрую волчицу. Пустили гончих. И они вскоре взяли след, погнались и выставили на верный лаз. На мере стоял маршал Жуков. Дуплет — и волчица сунулась в траву.

В 1950 году из Суворовского училища в Пермское пехотное училище прибыл племянник маршала Виктор Фокин, сын сестры Марии. Жуков родной душе обрадовался. В 1944-м он сам устроил Виктора в Горьковское Суворовское училище.

В 1951 году Жуков прибыл с инспекцией в Пермскую мотострелковую дивизию. Когда выпала свободная минута, послал в училище порученца за курсантом Фокиным.

И вот перед маршалом стоял стройный подтянутый юноша. Хорошо подогнанная шинель. Тщательно начищенные сапоги. Опрятен, вежлив. Жуков обнял племянника. Он был им доволен.

— Меня смущает вот что, — сказал Жуков Виктору, когда тот рассказал ему о своей учёбе и будущей специальности, — узкая специальность мномётчика. Надо тебе получить общевоинскую специальность, в вашем же училище. Я поговорю с начальником училища. Только, смотри, старайся. Из всех сил ляжку тяни. Матери часто пишешь?

— Пишу, не забываю.

— Скоро с ней увидишься. — Жуков улыбнулся. — Она вместе с Александрой Диевной на днях приедет в Свердловск.

Когда племянник заканчивал училище, Жуков узнал, что тот хотел бы в дальнейшей службе за границей.

— Даже не думай об этом, — сказал ему маршал. — Во-первых, большие деньги тебя испортят. Во-вторых, с тобой там могут случиться неприятности. Готовься служить в Союзе.

В 1952 году Виктор Фокин окончил Пермское пехотное училище, получил лейтенантские погоны и прибыл в 4-ю отдельную стрелковую бригаду, дислоцированную в Свердловске. Понятно, что такое распределение молодой лейтенант получил не случайно.

Жуков поселил племянника у себя. Так и сказал:

— Жить будешь у нас.

Из воспоминаний Виктора Фокина: “Льжи в вестибюле и охотничье ружьё сразу выдавали характер отдыха полководца. Мебель в доме была казённая с прибитыми на ней железными табличками. Библиотека большая, и в ней много книг на военную тему. Маршал часто заглядывал в работы Клаузевица. Эта книга у него было вроде настольной. Видел у него в руках и “Сидя” Корнея. Жуков мне сказал: “Бери и читай всё, что тебя интересует”. Я увлёкся художественной литературой. Про кухню говорить не стану — там хозяйничала Александра Диевна. Обедали в 13 часов 30 минут. Маршал приезжал на автомашине “ЗИС”, оснащённой фарой с жёлтым светом. Мне из расположения роты до дома требовалось на дорогу не более 10 минут при спокойной ходьбе. Иногда я обедал в техникуме советской торговли, за что вечером Александра Диевна отчитывала меня за ужином: “Почему не приходил обедать? Я ждала, ждала тебя... Прибор стоит накрытым до сих пор...” Жена маршала присматривала за мной, а моя мать знала, что я в хороших руках и не разболтаюсь. Бывало, Александра Диевна выговаривает мне: “Где ты там ходишь допоздна?” А немного погодя слышу: “Ты извини меня за то, что нашумела на тебя”. Она быстро отходила, и я не успевал на неё обидеться. Александра Диевна была полной, любила поест в кресле, откинувшись или положив ногу на ногу. Сердечная, добрая, внимательная, она относилась ко мне хорошо. Мы с женой поддерживали с ней хорошие отношения, вплоть до её кончины. Навещали её. Жена мыла окна в её квартире в Новоконошенном переулке в Москве”.

Родственные узлы для Жукова были святы. Однажды, заметив, что племянник стал по-лейтенантски проводить неслужебное время, спросил его:

— Ты матери помогаешь?

— Конечно, — ответил Виктор. — У меня все квитанции денежных переводов для неё целы.

— Правильно. Помогай. Потом будешь этим гордиться.

А однажды в канун праздника 1 Мая Жуков спросил Виктора:

— У тебя девушка есть?

— Да, — признался тот.

— Ну, вот и приведи её, покажи мне. Я хоть посмотрю, с кем ты встречаешься.

Человек обстоятельный, Жуков и в семейных, и в родственных делах ничего не пускал на самотёк. Виктор Фокин так описал те смотрины: “На торжественном собрании в театре имени Луначарского маршал с Александрой Диевной сидели во втором ряду партера, по центру, а мы с Брониславой — в шестом ряду, ближе к проходу. Дядя Георгий дважды оборачивался и бросал быстрый взгляд на Броню. Дома за ужином Георгий Константинович обратился ко мне: “Выпьем чего-нибудь?” Я стал отговариваться и ссылаться на спортивный режим. Жуков убеждал меня: “То, что ты не пьёшь — хорошо, но рюмочка коньячку не испортит и даже повысит аппетит”. Он стал расхваливать имевшийся у него французский коньяк. По 50 граммов мы с ним выпили. Разумянившийся дядя помолчал и спросил: “Понравилось ли торжественное собрание?” Пока мы обсуждали эту тему, Александра Диевна пригласила нас закусывать. Стоило ей выйти на кухню, дядя посмотрел на меня своими голубыми глазами и произнёс: “Видел твою знакомую. Молодец, вкус у тебя есть...”

Жуков советовал племяннику придерживать язык за зубами, и Виктор Фокин следовал этому совету самым добросовестным образом. Бронислава почти до самой свадьбы не знала, чей он племянник.

Жуков любил бывать в компании молодёжи. Должно быть, жалел, что не было у него сыновей, и потому с таким отеческим теплом относился к племяннику. Радовался, когда приезжал зять.

Из воспоминаний Виктора Фокина: “Приезжал их зять майор Юрий Александрович Василевский. Впечатление от него у меня осталось самое хорошее. Он культурный, мягкий, воспитанный и обходительный человек. Жуков с зятем собирались на охоту. Я упрямил Георгия Константиновича взять меня на первую мою охоту. Он поинтересовался: “Из ружья когда-нибудь стрелял?” Я стрелял лишь из автомата и карабина. Мне маршал дал своё запасное ружьё, сделанное в Туле. Перед охотой он меня наставлял: “Вперёд не лезь”. На водопой к озеру, вскрывшемуся ото льда, шло около 30 кабанов. Один из них почему-то заметно отставал от стада. Я его не заметил. И вышел из засады в кустах в мелколесье на просеку. Посмотрев в сторону ухидивших кабанов, я повернулся назад и в нескольких десятках метрах от себя обнаружил крупного отставшего зверя. С перекупу шарахнул в него, и конечно промахнулся. Георгий Константинович не выдержал и, выскочив из своей засады, закричал: “Я же говорил тебе, не лезь раньше нас...” Опытные охотники, они подпускали последнего кабана поближе к себе, чтобы поразить его наверняка. Я оправдывался, уверял старших, что не видел кабана. “А зачем ты шёл охотиться? — отбрил меня Жуков. — Надо было смотреть”.

Жуков всегда интересовался службой зятя и племянника. Виктора Фокина постоянно наставлял: “Учись. Не останавливайся на училище. Больше читай. Не жди должности, пока кто-нибудь помрёт. Лёгких путей в жизни нет. Дорогу надо пробивать своим лбом”. — И шлёпал ладонью по высокому лбу.

В Свердловске у Жукова была большая коллекция охотничьих ружей. При случае хорошие экземпляры с удовольствием приобретал. За ценой не стоял. Мог, под настроение, подарить ружьё из своей коллекции. Однажды после удачной кабаньей охоты в Покровском районе Свердловской области подарил великокалиберное ружьё редкого двадцатого калибра местному охотнику Егору Ивановичу Аввакумову. Егор Иванович — фронтовик, искусный плотник. Когда Жуков после охоты увидел баню, срубленную Егором Ивановичем, тут же вытащил из машины ружьё и вручил его старому охотнику

Элла Георгиевна рассказывала, что отец хотел, чтобы они, дети, ознакомились со всеми здешними достопримечательностями. Особенно запомнилась ей экскурсия в печально знаменитый Ипатьевский дом: “...дом, куда нас провели по особому разрешению. Тема расстрела царской семьи в те годы была под строжайшим запретом, и я впервые узнала об этом трагедии. В доме при входе была устроена небольшая экспозиция с копиями каких-то документов, на стенах висели красные лозунги и портреты вождей, а внизу — страшный подвал, куда мне не захотелось спускаться. Пояснения давал довольно высокий худощавый мужчина, который, как мне показалось, был немного не в себе. Во всяком случае, он слишком быстро говорил и глаза его неестественно блестели. Атмосфера в доме была гнетущей, и единственное, чего мне хотелось, так это поскорее оттуда уйти и обо всём забыть. С отцом на эту тему я заговаривать не стала”.

Он не томился в своей дальней ссылке. Урал не угнетал маршала, не уничтожал в нём ни воина, ни человека.

Дружил с агрономом Терентием Семёновичем Мальцевым. Впоследствии Мальцев станет академиком ВАСХНИЛ, дважды Героем Социалистического Труда. Они познакомились ещё в апреле 1946 года в Москве на сессии Верховного Совета СССР. Дружба продолжилась в годы службы Жукова на Урале. Есть фотография, сохранённая Эллой Георгиевной, на которой запечатлены маршал и агроном. На обороте пространная надпись: “Вам, Георгий Константинович, моё простое крестьянское спасибо! Моя русская душа преисполнена гордостью и радостью, что из среды нашего русского народа выходят непревзойдённые полководцы. Ваше имя будет, как имена Суворова и Кутузова, вечно прославляться нашими потомками, и оно никогда не изгладится из народной души. Живите и здравствуйте долгие годы, Георгий Константинович. Охраняйте нашу Родину, а на нас, уральцев и сибиряков, всегда надейтесь. Т. Мальцев”.

Служебный телефон Жукова прослушивался. “Жучки” стояли и в квартире, и на даче. Так что уединиться маршал мог только на прогулках, на рыбалке да на охоте. Впрочем, даже во время охоты охранники МГБ находились поблизости. Они, конечно, раздражали маршала и неумением вести себя в лесу, да и самим своим присутствием. Уральцы это понимали. И однажды во время утинового пролёта самую удобную позицию устроили в камышах на мелководье — на сваях установили бочку, замаскировали её камышом. Когда егерь, щурясь в улыбку, спросил Жукова, где он решил расположиться, на косе или в бочке, маршал, мгновенно поняв его замысел, указал на одинокую бочку. Тот вечер для стрелка был особенно удачным. Лодка приплыла за ним уже затемно, когда Жуков расстрелял весь патронташ.

Служба за маршалом окончилась в начале 1952 года. По всей вероятности, последовало высочайшее повеление, и охрана МГБ была заменена охраной Министерства обороны. Жуков подыскал себе надёжного младшего лейтенанта — Алексея Гриднева, выпускника окружных курсов усовершенствования офицерского состава. Сказал ему:

— Команду себе наберёшь сам. Около меня должен быть максимум один человек охраны. А так как ты единственный офицер и лично отвечаешь за мою безопасность, то этим человеком будешь ты. С этого времени будешь сопровождать меня и в командировках, и на учениях, и в неофициальных поездках.

С того дня Жуков вздохнул свободно.

Но потепление началось раньше. В начале 1950 года совершенно неожиданно его выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В те годы процедура выдвижения кандидатом в депутаты была равнозначной избранию. Выдвигали трудовые коллективы, как правило, крупные, где были большие парторганизации. Кандидатура, конечно же, предварительно согласовывалась с Москвой, с ЦК.

Совершенно очевидно, что в сознании Сталина в эти годы что-то произошло. Либо он был целиком удовлетворён наказанием своего верного и непокорного маршала, либо пришёл к мысли, что Жуков не враг, что партийные подхалимы больше наговаривают на него. Наверняка диктатор читал отчёты сотрудников МГБ, которые фиксировали каждый шаг командующего Уральского военного округа, каждое его слово, каждый контакт. К тому же в это время на Дальнем Востоке назревал конфликт, который мог привести к началу Третьей мировой войны. Руководитель Северной Кореи Ким Ир Сен уговаривал Сталина двинуть объединённые силы на Южную Корею. Весной 1950 года во время визита Ким Ир Сена в Москву Сталин, до этого колебавшийся, дал, наконец, согласие на проведение военной операции. Северокорейская армия строилась по типу Советской Армии и была оснащена советской техникой и вооружением.

План наступательной операции на юг разрабатывал главный военный советник в КНДР генерал-лейтенант Васильев. Сталин и Ким Ир Сен опрометчиво посчитали, что он справится с задачей. Лучшие генералы и маршалы, побеждавшие на фронтах Великой Отечественной и Советско-Японской войн — Конев, Мерецков, Василевский, Малиновский, Говоров — к разработке и проведению корейской операции не привлекались. Сталин их держал во втором эшелоне. Возможно, и Жукова из Одесского округа в Уральский переместил намеренно, чтобы тот со своей вымуштрованной группировкой на всякий случай находился ближе к театру военных действий.

В июле 1951 года было принято постановление ЦК “О неблагоприятном положении дел в МГБ”, а буквально через месяц генерал Абакумов был арестован. Его обвинили “в государственной измене, сионистском заговоре в МГБ, в попытках воспрепятствовать разработке дела врачей”.

Таким образом “дело Жукова” оказалось на дальней полке всемогущего ведомства. К тому же новый руководитель МГБ Игнатъев не испытывал к Жукову личной неприязни и был по уши погружен “делом врачей” и чистой авгиевых конюшен в своём министерстве.

Сталин — величайший режиссёр — подбирал действующих лиц к очередной мировой драме. К счастью, у великих держав — СССР и США —

хватило выдержки и мудрости сыграть её в значительно сокращённом виде и на локальной сцене. Корейская война длилась три года, но за границы Корейского полуострова не выплеснулась. Воздушные бои между советскими и американскими лётчиками показали преимущество первых. Американцы встретились в воздухе с новыми советскими истребителями-перехватчиками МиГ-15 и МиГ-15бис, оснащёнными новейшими радиолокационными станциями, и признали полное превосходство “корейских сюрпризов”. До ядерного оружия дело не дошло.

Летом 1951 года Жукова включили в состав правительственной делегации для поездки в Польшу по случаю национального праздника — Дня возрождения Польши. Торжественное заседание проходило в Варшавском оперном театре. Жуков выступал. Его встретили овациями. Поляки помнили, что именно войска 1-го Белорусского фронта, в который входила 1-я армия Войска Польского бригадного генерала Поплавского, освобождала Варшаву и польские города.

Но самый яркий эмоциональный всплеск Жукову подарила встреча с Министром национальной обороны Польской Народной Республики маршалом Рокоссовским. Война ещё крепче сдружила бывших кавалеристов, но одновременно и развела. Правда, в 1946-м они с семьями вместе отдыхали в Сочи. Казалось, что дружеские отношения не исчезли. Но многое в их беседах оставалось запретным.

В Варшаве они обнялись как старые боевые товарищи. Тут же вспомнили командирскую юность. Рассказывали друг другу о своих семейных делах. О службе говорили сдержанно.

Осенью 1952 года Жукова избрали делегатом XIX съезда КПСС от Свердловской областной партийной организации. А на съезде делегаты избрали его кандидатом в члены ЦК.

Как будто всё возвращалось.

В новогоднюю ночь наступающего 1953 года произошло событие, тайна которого до сих пор не разгадана.

Новый год верхушка Свердловского обкома партии встречала на одной из загородных дач на берегу озера Балтым. Часа за полтора до полуночи прибыл с дочерью Эллой маршал Жуков. Детям накрыли стол на соседней даче, принадлежавшей председателю Свердловского облисполкома Константину Кузьмичу Николаеву. Приблизительно в 23 часа на даче раздался телефонный звонок. Трубку по праву хозяина снял сын Николаева Эдик.

— Это говорит Поскрёбышев. Маршала Жукова срочно к аппарату!

Эдик мигом метнулся на соседнюю дачу.

— Георгий Константинович, вам звонит какой-то Поскрёбышев!

Сидевшие за праздничным столом сразу умолкли и посмотрели на Жукова. Маршал встал, извинился и быстро пошёл на дачу Николаева.

Взял трубку:

— Жуков у аппарата.

Выслушав Поскрёбышева, ответил:

— Да. Есть. Слушаюсь, вылетаю.

Он положил трубку и сказал дочери:

— Меня вызывает Сталин. Я сейчас срочно вылетаю в Москву. А ты, Эллочка, пока останешься в Свердловске.

Затем позвонил дежурному по штабу округа и приказал срочно подготовить самолёт.

Вскоре Жуков вылетел в Москву. Что за разговор состоялся между стареющим диктатором и тем, кто был рядом с ним в самые тяжкие дни, когда враг стоял у ворот и дозaprавлял свои танки в нескольких десятках километрах от Кремля, чтобы сделать последний, решающий рывок? О чём таком, столь важном, что невозможно было ждать до утра, беседовали они в ту новогоднюю ночь? Та встреча так и осталась тайной.

Глава сорок вторая

АРЕСТ БЕРИИ

“Конечно, я не спец по арестам, мне этим не довелось заниматься, но у меня не дрогнет рука...”

Когда диктатор лежал при смерти, его соратники по партии уже делили должности... Маленков был назначен Председателем Совета Министров СССР, Ворошилов — Председателем Президиума Верховного Совета СССР, Булганин — министром обороны СССР.

В день смерти Сталина — 5 марта 1953 года — ссылка маршала на Урал прервалась.

Тело вождя бальзамировалось, в мавзолее на Красной площади рядом с телом Ленина готовили саркофаг. С 6 по 9 марта в Колонном зале Дома Союзов народ прощался с тем, кого десятилетия боготворили и проклинали. А 14 марта состоялся внеочередной Пленум ЦК партии и открылась внеочередная сессия Верховного Совета СССР. Свердловская делегация была одной из самых многочисленных.

Жуков, которого 15 марта вновь назначили главкомом Сухопутных войск, оставил любопытные наблюдения об этом пленуме: “Всматриваясь в лица членов Президиума ЦК, я сделал следующие выводы о их теперешнем отношении к Сталину. Молотов был серьезен и задумчив и, видно, с тревогой переживал события. Ворошилов выглядел явно растерянным... Маленков, Хрущёв, Берия и Булганин были в приподнятом настроении...”

Берия сидел рядом с Булганиным и заметно старался придать своему лицу доброжелательное выражение. При внимательном наблюдении, хотя его глаза и были прикрыты пенсне, всё же в них можно было рассмотреть хищность, холодность и жестокость, всем своим видом и развязностью он старался подчеркнуть и дать понять — хватит, мол, сталинских порядков, натерпелись при Сталине, теперь у нас всё будет по-иному. Я хорошо знал Берию, видел его хитрое угодничество Сталину и готовность убрать в любую минуту всех тех, кто был негоден Сталину, а теперь он корчил из себя настоящего большевика-ленинца, противно было смотреть на этот маскарад. Булганин, как всегда, был на высоте подхалимства и приспособленчества: то он подойдёт к одному, то к другому, одному слащаво улыбается, другому крепко руку пожмёт, Хрущёву он то и дело бросал реплики “Правильно, Никита Сергеевич”, “Правильно, это давно следовало провести в жизнь”.

В эти дни особую деловитость, распорядительность и сноровку в дворцовых интригах в расчёте на будущее продемонстрировал Хрущёв. И рассчитал верно, не хуже опытного артиллериста. Ещё 5 марта он председательствовал на экстренном совместном заседании пленума ЦК КПСС, Совмина и Президиума ВС СССР, результатом которого стало решение сосредоточить всю работу в ЦК партии. Так Хрущёв смог поймать основные нити власти. И только одна из них не давалась — Берия. Более того, Берия развил ничуть не меньшую активность и с той же энергией пытался собрать вокруг себя сторонников, которые в нужный момент смогли бы действовать вполне решительно.

Маленков предложил объединить два силовых ведомства — МВД и МГБ — в одно. Берия должен был возглавить эту структуру. Хрущёв и его единомышленники сразу поняли, что такое объединение затевается не для работы. Ещё весной, во время сессии, Хрущёв сказал в узком кругу: “Если Берия возьмёт в свои руки этот пост — это будет началом нашего конца. Он возьмёт его только для того, чтобы уничтожить нас всех. И он это сделает! Этого никак нельзя допустить”.

Начали формироваться две враждебных группы. Это была жестокая и непримиримая схватка за власть. И разрешилась она, как и большинство дворцовых переворотов, кровью.

Двадцать пятого июня 1953 года Маленков вызвал к себе Жукова. В кабинете находились Молотов, Хрущёв и Булганин. Маленков сказал:

— Мы тебя вызвали для того, чтобы поручить одно важное дело. За последнее время Берия проводит подозрительную работу среди своих людей, направленную против группы членов Президиума ЦК. Считая, что Берия стал опасным человеком для партии и государства, мы решили его арестовать и обезвредить всю систему НКВД. Арест Берии мы решили поручить лично вам.

Хрущёв добавил:

— Мы не сомневаемся, что вы сумеете это выполнить, тем более что Берия вам лично много сделал неприятностей! Как, у вас нет сомнений на этот счёт?

— Вопрос очень серьёзный, — снова заговорил Маленков. — Надо будет взять с собой надёжных людей, таких, например, как генералы Батицкий, Москаленко, и двух адъютантов, которых ты знаешь и которым доверишь. Надо захватить с собой оружие.

Возможно, Жуков понимал, что напряжение, возникшее весной-летом в высших эшелонах власти страны, разрешится чем-то подобным. Но не предполагал, что главную роль в устранении лидера одной из противоборствующих сторон придётся играть ему.

В Подмосковье ближе к столице перемещались воинские части, танки, бронетехника. Приказы об их передислокации поступали как из Минобороны, так и из МГБ. Схватка могла быть очень серьёзной. Позже выяснилось, что Берия планировал переворот и аресты на 26 июня.

Элла Георгиевна Жукова вспоминала: “Однажды поздно вечером я услышала звук торопливых шагов отца, спускавшегося вниз по лестнице. Выйдя на балкон, увидела, как он садится в машину и уезжает. В этот момент в мою комнату вбежала взволнованная мама и, заломив руки, воскликнула: “Уехал! Взял пистолет и уехал, не сказал куда!”

На дачу отец вернулся только на следующий день, ближе к вечеру. Чувствовалось, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Он выглядел усталым и в то же время оживлённым. Усевшись за обеденным столом, мы молча ждали, что он скажет. Но никак не предполагали услышать: “Берия арестован”. Это нас поразило. Его положение казалось незыблемым. Некоторые считали, что он может стать преемником. Берия был нашим соседом, дачи имели общий забор. Мне приходилось его видеть прогуливающимся в окружении охраны по дороге за пределами дачной территории, чаще с женой, реже с сыном и невесткой. Он здоровался с отцом, поблёскивая стёклами пенсне, казалось бы, вполне дружелюбно. Но ни для кого не было секретом, что их отношения отличаются крайней неприязнью, если не сказать больше. Отец считал Берию инициатором “дела о заговоре военных” и не мог простить ему жестоких расправ над своими друзьями и сослуживцами. И его арест он расценивал как вполне справедливую акцию. <...> ...отец уже на склоне лет не раз возвращался к этой истории, многим её рассказывал. Но тогда, по свежим следам, его изложение было более эмоциональным и живым. Отец волновался, вскакивал, показывал, как он оттолкнул от Берии лежавшую перед ним папку, думая, что там оружие, показывал, как папка пролетела через весь стол и упала на пол”.

Элла Георгиевна сетовала на то, что “с приходом гласности картину ареста Берии стали живописать многие, кетати, далеко не всегда очевидцы”.

В последнее время действительно появилось множество версий ареста Берии. И что операцией руководил генерал Москаленко, а Жуков при этом был лишь исполнителем, не посвящённым в тонкости операции. И что Берия был убит группой захвата на даче во время попытки его арестовать. И что Жуков предложил Маленкову, с которым у него были дружеские отношения, арестовать заодно Хрущёва и Булганина.

“Я ответил:

— Какие же могут быть сомнения? Поручение будет выполнено.

Хрущёв:

— Имейте в виду, что Берия ловкий и довольно сильный человек, к тому же он, видимо, вооружён.

— Конечно, я не спец по арестам, мне этим не довелось заниматься, но у меня не дрогнет рука. Скажите только, где и когда его надо арестовать?”

— После двух звонков вам нужно войти в кабинет и арестовать Берия. Всё ли ясно?

Я сказал:

— Вполне.

Мы ушли в комнату, где должны ждать звонков. Пришёл Берия. Началось заседание. Идёт заседание час, другой, а условных звонков всё нет и нет.

Я уже начал беспокоиться, уж не арестовали ли Берия тех, кто хотел арестовать его?

В это время раздался условный звонок. Оставив двух вооружённых офицеров у наружной двери кабинета Маленкова, мы вошли в кабинет. Как было условлено, генералы взяли за пистолеты, а я быстро подошёл к Берии и громко ему сказал:

— Берия, встать! Вы арестованы!

Одновременно взяв его за руки, приподнял его со стула и обыскал все его карманы, оружия не оказалось. Его портфель был тут же отброшен на середину стола. Берия страшно побледнел и что-то начал лепетать. Два генерала взяли его за руки и вывели в заднюю комнату кабинета Маленкова, где был произведён тщательный обыск и изъятие неположенных вещей. В 11 часов ночи Берия был скрытно переведён из Кремля в военную тюрьму (гауптвахту), а через сутки переведён в помещение командного пункта МВО и поручен охране той же группе генералов, которая его арестовала.

В дальнейшем я не принимал участия ни в охране, ни в следствии, ни на судебном процессе. После суда Берия был расстрелян теми же, кто его охранял. При расстреле Берия держал себя очень плохо, как самый последний трус, истерично плакал, становился на колени и, наконец, весь обмарался. Словом, гадко жил и более гадко умер”.

Помощник военного коменданта Москвы полковник Гаврилов рассказывал Владимиру Карпову: “25 июня на гарнизонную гауптвахту неожиданно, без предварительного телефонного звонка, приехал маршал Жуков. Он обошёл помещение гауптвахты. Приказал мне открыть все камеры и выйти арестованным в коридор. Когда наказанные вышли, маршал громко объявил: “Вам амнистия!” Громкое “Ура”, наверное, впервые в истории прогремело на гауптвахте.

Маршал мне приказал: “Всех отправить в свои части”. Я недоумевал: что происходит? Освободив помещение от людей, Жуков в моём сопровождении обошёл и осмотрел все камеры. В одной задержался, оглядел её и, увидев под потолком выступающую трубу парового отопления, сказал как бы про себя: “Не подойдёт, может повеситься...” Перешли в другую камеру. Осмотрел её внимательно. Потрогал решётку. “Эту за ночь побелить и прибрать. На гауптвахту арестованных не принимать. Чтоб вся была свободна. Вам никуда не отлучаться до особого разрешения”.

И уехал, оставив меня в полном недоумении. А на следующий день поздно вечером примчались несколько машин. Из первой вышел генерал Москаленко и ещё несколько генералов. Между ними стоял сеутулившийся человек в гражданской одежде. Его провели в ту камеру, которую приказал подготовить Жуков.

Я гадал, кто же этот важный арестованный? Сначала не узнал его, может быть, потому, что на глазах не было обычного пенсне.

Москаленко мне сказал: “Вы свободны, охранять внутри мы будем сами. Наружную охрану обеспечите вы. Скоро подъедет и наша дополнительная охрана”.

Тут я понял — это же Берия привезли! На следующий день Берия перевели в бомбоубежище штаба Московского округа, где в течение дня и ночи оборудовали для его содержания специальную камеру и запоры в ней”.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Я уже не вернулся в Свердловск и немедленно приступил к исполнению своих обязанностей. Перед вступлением в должность у меня состоялся большой разговор с Булганиным. Он начал с того, что в прошлом у нас не всё было гладко, но в этом он лично, якобы, не был виноват. На прошлом надо поставить крест и начать работать

на хороших дружеских началах — этого требуют интересы обороны страны — и что, якобы, он первый предложил мою кандидатуру. Я сказал Булганину: “Вы, Николай Александрович, сделали много неприятностей для меня, подставляя под удары Сталина, но я в интересах дела хочу всё это предать забвению и, если вы хотите искренне, дружно работать, давайте забудем о прошлых неприятностях...”

Оказавшись в Москве, Жуков принялся хлопотать о своих боевых товарищах, которые томились в лагерях.

Возможности Жукова были ограничены тем, что любое действие, каждое обращение в официальные органы он, замминистра, должен был согласовывать с маршалом и министром обороны СССР Булганиным. Булганин же, в своё время приложивший руку и усилия к раскручиванию кровавого колеса репрессий, всячески гасил пыл своего заместителя. И тем не менее, вскоре появился документ, подготовленный Жуковым и подписанный Булганиным, который за три года до XX съезда фактически начинал реабилитацию невинно осуждённых.

“Совершенно секретно

В ПРЕЗИДИУМ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.

Произведённой тщательной проверкой дел на арестованных генералов и адмиралов Советской Армии и Флота и осуждённых в период с 1941 по 1952 год установлено, что многие из них были арестованы и осуждены необоснованно.

Аресты их производились органами МГБ по непроверенным и необоснованным материалам, а расследование предъявленных им обвинений в антисоветской и иной вражеской деятельности проводилось необъективно, при этом многолетние положительные аттестации по службе в расчёт не принимались.

Несмотря на то, что арестованные находились под следствием до 10 и более лет, фактов, оправдывающих или смягчающих их вину, не собиралось.

К отдельным арестованным применялись незаконные методы следствия с целью понудить их признать вину в “преступлении” или добиться от них клеветнических показаний на других лиц.

Так, например, по указанию АБАКУМОВА при отсутствии каких-либо компрометирующих и других материалов, без санкции прокурора 10 апреля 1948 года был арестован крупный учёный, Лауреат Сталинской премии, доктор технических наук, профессор, начальник кафедры военно-морской академии кораблестроения и вооружения, вице-адмирал ГОНЧАРОВ Леонид Георгиевич, 1885 года рождения.

После ареста АБАКУМОВ дал указание быв. сотруднику МГБ КОМАРОВУ добиться от арестованного ГОНЧАРОВА признаний в шпионаже в пользу английской разведки.

Несмотря на применение физического воздействия, ГОНЧАРОВ признательных показаний не дал и на 17 день после ареста умер. В постановлении о прекращении дела от 29.V.1948 года указано, что ГОНЧАРОВ якобы умер от приступа грудной жабы, тогда как из материалов дела видно, что смерть его наступила в результате избиений.

При проверке также выявлено, что из общего числа арестованных в течение 1941–1942 гг. умерли до суда 12 генералов и адмиралов, большинство из которых было арестовано и содержалось много лет под следствием необоснованно.

Установлено также, что при судебном рассмотрении дел на генералов и адмиралов Военная Коллегия в ряде случаев подходила к установлению их виновности в предъявленном обвинении без учёта прошлой положительной их службы в Советской Армии, вынося обвинительные приговоры за разговоры, которые по существу не носили антисоветского характера, или за проступки по службе, которые не должны были повлечь уголовной ответственности.

Всего в период с 1941 по 1952 год было арестовано генералов и адмиралов 101 чел. Из них: осуждено Военной Коллегией Верховного Суда Союза

СССР — 76 генералов и адмиралов и 5 человек — Особым Совещанием при быв. МГБ СССР, 8 генералов были освобождены из-под стражи за отсутствием состава преступления и 12 генералов умерли, находясь под следствием.

В связи с изложенным вносим следующие предложения:

1. Обязать Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР пересмотреть дела на осуждённых генералов и адмиралов, имея в виду:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов и адмиралов: РОМАНОВА Ф. Н., ЦИРУЛЬНИКОВА П. Г., ЧИЧКАНОВА А. С., ГАПИЧА Н. И., ГЕЛВИХА П. А., МОШЕНИНА С. А., ЛЯСКИНА Г. О., ГОЛУТШКЕВИЧА В. С., ЖУКОВА И. И., ТИМОШКОВА С. П., САМОХИНА А. Г., МИНЮКА Л. Ф., ТУРЖАНСКОГО А. А., ВАСИЛЬЕВА А. Ф., ЖАРОВА Ф. И., ИЛЬИНЫХ П. Ф., ЭЛЬСНИЦА А. Г., ТОКАРЕВА С. Ф., МРОЧКОВСКОГО С. И., БУРИЧЕНКОВА Г. А., ПОПОВА Д. Ф., ШИРМАХЕРА А. Г., БЫЧКОВСКОГО А. Ф., УХОВА В. П., ТЕЛЕГИНА К. Ф., ВОРОЖЕЙКИНА Г. А., ТЕРЕНТЬЕВА В. Г., ФИЛАТОВА А. А., КУЗЬМИНА Ф. К., ИВАНОВА И. И., КРЮКОВА В. В., ВЛАСОВА В. Е., ПЕТРОВА Е. С., БЕЖАНОВА Г. А., ЛАПУШКИНА Я. Я., ВЕЙСА А. А., КЛЕПОВА С. А.;

б) снизить наказание до фактически отбытого ими срока и освободить из-под стражи осуждённых бывших генералов: КАЛИНИНА С. А., ГЕРАСИМОВА И. М., РОТБЕРГА Т. Ю.

2. Обязать МВД СССР:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов: ЖУКОВА Г. В., ГУСЬКОВА Н. Ф., ДАШИЧЕВА И. Ф., ВАРЕННИКОВА И. С., СИДНЕВА А. М., ИЛЬИНА В. Н., ГЛАЗКОВА А. А., МЕЛИКОВА В. А., ПОТАТУРЧЕВА А. Г., ГОНЧАРОВА Л. Г., НАУМОВА И. А., ПАУКА И. Х., ТАМРУЧИ В. С., СОКОЛОВА Г. И.;

б) прекратить дела и освободить из-под стражи членов семей осуждённых генералов, подлежащих полной реабилитации.

3. Обязать Министерство обороны СССР обеспечить назначение положенных пенсий семьям полностью реабилитированных генералов и адмиралов, умерших в заключении: ГЛАЗКОВА А. А., МЕЛИКОВА В. А., ПОТАТУРЧЕВА А. Г., ГОНЧАРОВА Л. Г., НАУМОВА И. А., ПАУКА И. Х., ТАМРУЧИ В. С., СОКОЛОВА Г. И., ШИРМАХЕРА А. Г.

Н. БУЛГАНИН

Р. РУДЕНКО

А. ЧЕПЦОВ

11 июля 1953 г."

Ещё до начала массовой реабилитации незаконно осуждённых Жуков помог выйти из-за колючей проволоки, выбраться из шахт и с лесоповалов многим своим сослуживцам, в том числе маршалу Ворожейкину, генералам Телегину, Терентьеву, Минюку, многим другим. Впоследствии, став министром обороны, Жуков по сути дела реабилитировал бывших военнослужащих, во время войны попавших в плен, но не уронивших чести сотрудничеством с врагом. Это были люди, претерпевшие самые жестокие муки в нацистских лагерях, зачастую прямо оттуда этапированные в лагеря советские. Для генерала и своего земляка Михаила Потапова, только что освобождённого из концлагеря Моозбур, он сделал всё, чтобы ему вернули звание и награды. В 1954 году не без участия главкома сухопутных войск Потапов вновь вступил в должность командующего 5-й армией.

К сожалению, вскоре последовавшая отставка не позволила Жукову завершить начатый процесс полной реабилитации бывших военнопленных. До 1990-х годов узники немецких концлагерей будут носить поставленное Мехлисом клеймо предателей.

Хрущёв, ловко перехвативший бразды правления, на первых порах нуждался в такой сильной личности, как Жуков, и потому всячески укреплял позиции и авторитет маршала. Пока не почувствовал опасность.

Глава сорок третья

В ОТСТАВКЕ

“Он оказался политически несостоятельным деятелем, склонным к авантюризму...”

Он был единственным маршалом Советского Союза, уволенным в отставку. Первое время жил надеждой, что успокоятся, призовут. Готов был принять любую, самую скромную должность, лишь бы снова вернуться в армию. Постановление октябрьского пленума теплило в нём надежду: “Секретариату ЦК КПСС предоставить т. Жукову другую работу”.

Из воспоминаний Эллы Георгиевны: “Первое время отец надеялся, что не останется не у дел. Ведь ему было чуть за шестьдесят, он сохранил силы и здоровье, стремление использовать свой колоссальный опыт для военного строительства. Однажды, вернувшись домой из института, я увидела отца в столовой. Он сидел в кресле у окна, держа в руках какой-то листок бумаги, и был явно удручён. На мой вопрос: “Пап, что случилось?” — он ответил, что уже не первый раз пишет на имя Хрущёва просьбу предоставить любую работу. Готов командовать округом, готов возглавить военную академию, стать, наконец, рядовым преподавателем. И вот получил очередной отказ: “В настоящее время предоставить вам работу представляется нецелесообразным”.

Жукову оставили порученца Ивана Прядухина, двоих охранников — Николая Пучкова, Сергея Маркова — и солдата, который занимался хозяйством. Чистил снег на дорожках, убирал листву.

Зимой маршал порой выходил в сад и сам брался за лопату. Осенью вместе со всеми окапывал яблони. Любил собирать грибы.

Однажды, это случилось вскоре после злополучного Пленума, вместе с Николаем Пучковым он бродил по лесу в окрестностях Сосновки. Набрали полные корзины грибов. Возвращаться на дачу не хотелось. Он остановился на опушке и сказал охраннику:

— Посмотри-ка, Николай Иванович, какой красивый дубок растёт... — И погладил кору молоденького дуба. — Знаешь что... Сходи-ка за лопатой, а я тут посижу.

Вскоре Пучков вернулся с лопатой. Корень оказался довольно глубоким, и им пришлось основательно поработать, чтобы не загубить саженец. Копали по очереди. Выбрасывали из довольно глубокой ямы серую лесную землю, добрались до глины, а корень всё уходил в глубину. Это восхищало Жукова.

— Николай Иванович, копай глубже, — передавая лопату, сказал он Пучкову. — Корень не потревожь.

Дубок посадили под окнами напротив столовой. На следующий день Жуков оградил саженец колышками и первое время заботливо поливал.

В следующем году на Поклонной горе закладывали первый камень будущего монумента Победы. Устроители торжества позвонили маршалу накануне и пригласили на закладку. По воспоминаниям Николая Пучкова, он по распоряжению Жукова вызвал из гаража к 10:00 автомобиль. Машина прибыла, и хозяин дачи, стоя в прихожей перед зеркалом, уже застёгивал маршальскую шинель, когда раздался телефонный звонок. Звонили из Министерства обороны. Порученец Малиновского коротко известил: приезжать на Поклонную гору не надо. Николай Пучков, принимавший это распоряжение, мгновенно отреагировал:

— Пусть с маршалом свяжется тот, кто его приглашал на мероприятие. И хотя бы извинится.

Спустя несколько минут расстроенный Жуков вышел из кабинета и сказал Пучкову:

— Николай Иванович, отпустите машину.

В 1960 году отключили телефон.

Потом начались перебои с подачей воды. Зимой водопровод перемерзал.

Комендантом дачи в Сосновке был подполковник Иван Александрович Прядухин. Он ездил в Москву, договаривался со старыми сослуживцами

маршала, и те, тайком от начальства, производили некоторые работы, чтобы облегчить семье Жукова жизнь в Сосновке. Военные связисты отремонтировали телефонную линию, курсанты Военно-инженерной академии им. Д. М. Карбышева пробурили артезианскую скважину и обеспечили жильцов госдачи питьевой водой.

А в прессе продолжалась травля. Жукова сняли с партийного учёта в Министерстве обороны. Учётную карточку направили в Краснопресненский район, в одну из заводских парторганизаций. Теперь на партийные собрания он должен был ездить на завод. Видимо, расчёт делался на то, чтобы как можно плотнее блокировать общение опального маршала с бывшими сослуживцами и вообще с военными. Его возможное влияние на сотрудников аппарата Минобороны считали нежелательным и даже опасным.

Однако на пресненском машиностроительном заводе новопривывшего члена партии сразу полюбили. Правда, выступать на партсобраниях ему было категорически запрещено.

В это время Жуков был окружён роднёй. Захаживали и бывшие сослуживцы — из самых верных. Генерал Крюков с Руслановой. Баграмяны. Генералы А. П. Белобородов и И. А. Плиев. Но чаще всех бывал генерал Н. А. Антипенко. С Николаем Александровичем, бывшим своим заместителем по тылу, он мог говорить откровенно. Знал: не выдаст, не предаст. Несколько раз Антипенко писал в Президиум ЦК и Брежневу. Писал смело. Не просил, а требовал реабилитации боевого товарища и друга: “Приближается 20-я годовщина победы над фашистской Германией. У миллионов людей естественно возникает вопрос: долго ли будет продолжаться состояние дискриминации одного из прославленных советских полководцев, маршала Советского Союза тов. ЖУКОВА Г. К., заслуги которого перед народом в минувшей войне трудно переоценить?”

Политическая реабилитация Маршала Советского Союза Жукова Г. К., которой ждут миллионы людей, прозвучала бы на весь мир как долгожданное восстановление справедливости”.

На даче в Сосновке к тому времени полноправной хозяйкой стала Галина Александровна. В Москву Жуков по-прежнему отправлял порученца Александра Прядухина. Тот вспоминал: “Мне приходилось возить продукты из жуковской дачи в Сосновке в Москву к первой жене Георгия Константиновича Александре Диевне. Она спрашивала: “Как там живёт Георгий Константинович?” В свою очередь Галина Александровна тоже выведывала: “Как там?” Моя дежурная фраза: “Не знаю”, — вызывала женские упрёки: “Всё не знаешь и не знаешь...”

Хозяин дачи стал много возиться с землёй. Всколыхнулось родовое, мужицкое. Пересаживал, делил кустарники, сажал клубнику. Во всём знал толк. Когда Иван Прядухин привёз саженцы молодой клубники, с восхищением посмотрел на них и спросил:

— Где такой хороший сорт достал?

— На выставке.

Яблоневый сад занимал два гектара — 200 деревьев различных сортов. За садом присматривали специальные работники, знавшие толк в садовом деле. Но хозяин во всё вникал сам. Порой торопил то с обрезкой, то с побелкой штамбов, то с опрыскиванием от вредителей: “Зимой сани не готовят...”

С некоторых пор Жуков стал ценить тишину и немногословие домашних. Даже Галине Александровне мог сказать: “В двух словах можно изъясниться, а ты тарыхтишь...” И Прядухину: “Короче, Иван Александрович. Мог бы в дороге в машине обдумать, что говорить”.

Похоже, Жуков наслаждался тем, что наступила пора в его жизни, когда можно спокойно подумать, когда никакой порученец не окликнет тебя срочно подойти к телефону на звонок Верховного, министра, Генерального секретаря...

Галина Александровна после декретного отпуска вышла на работу. Жуков, ещё будучи министром обороны, устроил её в госпиталь им. Бурденко. Выхлопотал квартиру на улице Горького. Галина перевезла к себе мать Клавдию Евгеньевну. Теперь Клавдия Евгеньевна нянчила внучку Машу.

Жуков пытался привести в порядок, так сказать, юридическую часть своих семейных отношений. Надо было зарегистрировать брак с Галиной Александровной. Но Александра Диевна не давала развод. По-женски, видимо, ещё надеялась, что муж одумается и вернётся к ней.

Маршальскую квартиру в доме на улице Грановского Александра Диевна разменяла. Летом жила на даче в Лесном городке. Её Жуков купил для Галины Александровны. Но потом решил остаться в Сосновке. А дом в Лесном городке отдал первой семье. Кроме того, выплачивал Александре Диевне ежемесячно 200 рублей и передал кремлёвскую продовольственную карточку. Продовольственную карточку отоваривал Иван Прядухин и сразу же пакеты с продуктами увозил Александре Диевне.

Откровенничать Жуков мог только с самыми близкими — с женой, Крюковым и Руслановой. И то — во время прогулок по саду и в лесу. Дача была напигована “жучками”, и он об этом знал. Это, конечно, раздражало. Заметил: в доме даже думать было тесно, неудобно — как будто что-то давило, угнетало. С одной стороны — жил затворником (“Я нигде не бываю, вообще ушёл от мира сего и живу в одиночестве...”), с другой — как в прозрачном аквариуме...

Время от времени звонили из газет и журналов, просили о встрече для интервью. В том числе иностранные журналисты. Жуков отказывал.

Не заживала рана от публикаций, которые посыпались сразу после Пленума. Секретное постановление ЦК КПСС “Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте” от 29 октября 1957 года как закрытое письмо ЦК зачитывали на партийных собраниях во всех армейских и флотских партийных организациях, на предприятиях, во всех учреждениях, колхозах и совхозах.

Партийцы есть партийцы. Сразу по прочтении закрытого письма в газеты пошли их отзывы. Негодовали. Поддерживали линию партии: “...т. Жуков Г. К. не оправдал оказанного ему партией доверия. Он оказался политически несостоятельным деятелем, склонным к авантюризму как в понимании важнейших задач внешней политики Советского Союза, так и в руководстве Министерством обороны”. Через строки партийного документа, спущенного в низовые партийные организации, проглядывал этакий батька Махно с троцкистским уклоном...

“Правда”, “Известия”, “Красная Звезда”, областные, краевые и республиканские газеты — все старались не отстать и пнуть побольнее. Даже на родине.

Газеты Жуков в руки не брал долгое время.

Отмашку к началу травли дала флагманская “Правда”. В секретариате ЦК быстро заготовили текст статьи под названием “Сила Советской армии и Флота — в руководстве партии, в неразрывной связи с народом”. Основная суть: Жуков — зарвавшийся бонапартист, наделавший много ошибок в руководстве вооружёнными силами Советского Союза, и главной его ошибкой стала недооценка роли партии в победах армии. Хрущёв нашёл подходящую кандидатуру на авторство — Конев! Вот кто подпишет статью! Хотя Иван Степанович и заверяет, что он не друг Жукову, но в Министерстве обороны маршалы заправляли дружной парой. И было время, когда Жуков предлагал на должность министра МВД Конева. Вдвоём бы эти покорители Берлина дел наворотили... Хрущёв потирал руки — сюжетец он придумал классический.

Статью нарочным послали маршалу Коневу. Тот сперва заартачился. Потом, когда пришёрли, попросил время, чтобы прочитать и внести некоторые правки.

Говорят, Конев просидел над статьёй всю ночь.

Хрущёву постоянно докладывали: сидит, правит. “Старайся, не старайся — всё равно статья завтра выйдет за твоей подписью”, — злорадствовал Никита Сергеевич.

Когда подписанный Коневым текст привезли в Кремль, Хрущёв позволил “автору” и сказал:

— Завтра в “Правде” читай свою статью. И без фокусов. Понял?

Говорят, что в печать пошёл не тот вариант, над которым работал Конев, а тот, который был заготовлен в секретариате ЦК. Вот почему Никита Сергеевич предостерегал Конева от “фокусов” — опасался, что “автор” статьи возмутится.

Вскоре после публикации Жуков и Конев встретились на улице. Конев, чувствуя вину, извинился.

— Ну, раз так, Иван Степанович, напиши опровержение! — предложил Жуков.

— Георгий Константинович, ты же понимаешь, что это невозможно. Не напечатают. Это ведь решение партии, в нашей стране это закон.

Вскоре Хрущёв уберёт и Конева. Для него он был человеком Жукова.

Когда победители делили лавры, Хрущёв, довольный исходом схватки и в порыве благодарности маршалу за спасение, высказал слова благодарности за наведение должного порядка и дисциплины в Министерстве обороны.

— Вот бы нам ещё и в МВД порядок навести, — сказал Никита Сергеевич, — да нет подходящего человека.

— Есть такой человек! — простодушно и по-солдатски мгновенно отреагировал Жуков.

— Кто? — спросил Хрущёв.

— Мой заместитель — Конев.

Ещё тогда Хрущёв призадумался: танки, обращение к армии и народу, а тут ещё и, похоже, заранее подготовленная кандидатура на пост второго силового ведомства, значит, и об этом он думает...

Трудно теперь сказать, кого из маршалов больше угнетала та статья в “Правде”, которую можно было расценивать как предательство. Конев до конца жизни мучился от своего малодушия. Жуков негодовал. Предательство! И кто предал?

Но всё же они помирились.

В декабре 1968 года Конев праздновал своё 70-летие. Был приглашён и Жуков. Свои дни рождения Иван Степанович отмечал каждый год, и всегда приглашал своих боевых товарищей. Но Жуков приглашения с некоторых пор не принимал. А тут — приехал! Маршалы обнялись. Слёзы стояли в их глазах.

Константин Симонов вспоминал: “Среди приглашённых и пришедших на эту встречу был Жуков. И его приглашение в этот день, в этот дом, и его приход туда имели особое значение. Судьба сложилась так, что Жукова и хозяина дома на долгие годы отделили друг от друга обстоятельства, носившие драматический характер для них обоих, для каждого по-своему. А если заглянуть ещё дальше, в войну, то и там жизнь, случалось, сталкивала их в достаточно драматической обстановке. Однако при всём том в народной памяти о войне их два имени чаще, чем чьи-нибудь другие, стояли рядом, и в этом всё-таки и состояло самое главное, а всё остальное было второстепенным.

И когда на вечере, о котором я вспоминаю, после обращённой к хозяину дома короткой и полной глубокого уважения речи Жукова оба эти человека обнялись, должно быть, впервые за многие годы, то на наших глазах главное снова стало главным, а второстепенное — второстепенным с такой очевидностью, которой нельзя было не порадоваться.

А потом на этом же вечере один из присутствующих*, считая, что он исполняет при этом свою, как видно, непосильно высокую для него должность, вдруг произнёс длиннейшую речь поучительного характера.

Стремясь подчеркнуть свою причастность к военной профессии, он стал разъяснять, что такое военачальник, в чём состоит его роль на войне и, в частности, что должны и чего не должны делать на войне командующие фронтами. В общей форме его мысль сводилась к тому, что доблесть командующего фронтом состоит в управлении войсками, а не в том, чтобы рисковать

---

* Этим “присутствующим” был А. А. Епишев — генерал армии, начальник Главного политуправления. Именно он душил мемуары фронтовиков: “Кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить?”

жизнью и ползать по передовой на животе, чего он не должен и не имеет права делать.

Оратор повторял эту полюбившуюся ему и, в общем-то, в основе здравую мысль долго, на разные лады, но всякий раз в категорической форме. С высоты своего служебного положения он поучал сидевших за столом бывших командующих фронтами тому, как они должны были себя вести тогда, на войне.

Стол был праздничным, а оратор был гостем за этим столом. В бесконечно отодвигавшемся конце своей речи он, очевидно, намерен был сказать тост за хозяина. Поэтому его не прерывали и, как это водится в таких неловких случаях, молчали, глядя в тарелки. Но где-то уже почти в конце речи при очередном упоминании о ползании на животе Жуков всё-таки не выдержал.

— А я вот, будучи командующим фронтом, — медленно и громко сказал он, — неоднократно ползал на животе, когда этого требовала обстановка и особенно когда перед наступлением своего фронта в интересах дела желал составить себе личное представление о переднем крае противника на участке будущего прорыва. Так что вот, признаюсь, было дело — ползал! — повторил он и развёл руками, словно иронически извиняясь перед оратором в том, что он, Жуков, увы, действовал тогда вопреки этим застольным инструкциям. Сказал и уткнулся в свою тарелку среди общего молчания, впрочем, прерванного всё тем же оратором, теперь перескочившим на другую тему.

Даже сам не знаю почему, мне так запомнился этот мелкий штрих в поведении Жукова в тот вечер. Скорей всего потому, что в его сердитой иронии было что-то глубоко солдатское, практическое, неискоренимо враждебное всякому суесловию о войне, и особенно суесловию людей, неосновательно считающих себя военными”.

Жуков и на склоне своих лет оставался Жуковым. Хотя тот довольно резкий выпад в сторону генерала Епишева, начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-Морского флота, мог дорого стоить ему. Его мемуары и без того чрезвычайно тяжело, с потерями, с многочисленными претензиями к автору, проходили через минное поле Главпура. “Кому нужна ваша правда?..”

Глава сорок четвертая

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Это был уже взгляд за ту черту, которая живых отделяет от мёртвых.

Когда Марию Георгиевну однажды спросили о том, как она относится к той возне вокруг имени её отца и упрёкам, что, мол, Жуков и не так воевал, и солдат не жалел, и к славе по трунам шёл, она задумалась и вдруг ответила словами Иоанна Восторгова, проповедника и миссионера, расстрелянного в 1918 году:

— “Клевета норовит прилепиться чаще всего к той области, где человек наиболее безукоризненно себя проявляет”.

Пожалуй, что так. Совсем недавно, перечитывая подаренную Марией Георгиевной книгу об отце, я нашёл это место и снова внутренне согласился с точностью определения.

“Его не стало, когда мне было семнадцать лет, — написала в своей книге “Маршал Жуков — мой отец” Мария Георгиевна Жукова. — Когда он был рядом, трудно было представить себе, что он может умереть. Он уже долго болел — с декабря месяца 1973 года, сразу после 40-го дня по смерти мамы попал в Кремлёвскую больницу. Я регулярно бывала у него, свидание его было всё это время примерно одинаковым, довольно тяжёлым. Свидания наши были короткими: отцу трудно было говорить”.

“Вспоминаю слова бабушки: “Папа с такой тоской смотрел на тебя”.

Его подкосила ранняя смерть любимой жены — Галины Александровны, Галюши, как он её называл.

Порученец Иван Прядухин, долгие годы наблюдавший их взаимоотношения, говорил: “Такой любви можно только позавидовать”.

И им, конечно же, завидовали. Особенно ему. Всё у него в жизни получалось. Наследник здоровых народных кровей, лихой кавалерист, он всегда умел схватить жизнь под уздцы. Вскоре после знакомства Жукова с Галиной Александровной, когда пошли слухи и разговоры, и молва донеслась до Кремля, в штаб округа позвонил Сталин: “Зачем я вас, товарищ Жуков, послал на Урал?” — “Командовать округом, товарищ Сталин”. — “Вот и командуйте! А вы чёрт знает чем занимаетесь!..” — И бросил трубку.

Позже бедная Александра Диевна, терзаемая изменой мужа, через свою подругу Нину Петровну Хрущёву обратилась к Первому секретарю ЦК КПСС с жалобой на семейные неурядицы. “А ты живи, как все, — сказал Хрущёв Жукову. — Живи с семьёй и люби, кого хочешь, на стороне”. — “Нет, — сказал Жуков. — Двойной жизнью жить не буду. Я отдал своей прежней семье всё, что мог. Мои дети имеют своих детей. А у меня родилась дочь, и я обязан поставить её на ноги”. — “Ну, смотри, — сказал Хрущёв, — ты рискуешь партбилетом”.

Галина Александровна была ровесницей его старшей дочери Эры. Они и подружились потом. Добрая и сердечная Эра часто приходила к ней в госпиталь, когда была сделана операция и обнаружены раковые метастазы. Поддерживала Галину Александровну как могла, утешала, часами беседовала с больной.

Когда жены не стало, Жуков осиротел. Подолгу стоял у её портрета. Всмотривался в любимые черты. Это был уже взгляд за ту черту, которая живых отделяет от мёртвых.

Жалел дочь. За жизнь он цеплялся только ради неё. Как-то в разговоре о детях сказал:

— Хочу, чтобы Машенька выросла такой же образованной и скромной, как Эра и Элла.

Он уже не хотел ни славы, ни почестей. Земное отдалялось.

Для Кремля, похоже, он до самых последних дней был проблемой, обузой. Этаким скалообразным камнем преткновения. Пока он был жив, Брежневу не осмеливались повесить на грудь орден “Победа”.

Когда здоровье позволяло работать, Жуков сразу брался за рукопись, которую редакторы усиленно готовили для второго издания.

В новое издание Жуков ввёл несколько новых глав, выправил и значительно дополнил старые. Но двухтомник автор в руках поддержать не успел. Второе издание “Воспоминаний и размышлений” вышло после его смерти.

Во время работы над вторым изданием в редакционном коллективе появился историк-консультант, кандидат исторических наук полковник Е. Н. Цветаев. С выходом книги Маршала Победы рухнула стена запрета на Жукова. Власти вынуждены были считаться с обстоятельствами.

В октябре 1972 года Жуков передал в издательство выправленный вариант нового издания. Полковник Цветаев прочитал рукопись и предложил проект улучшения рукописи — усиления её научной составляющей. В основу были положены 14 вопросов-пунктов.

Жуков, в свою очередь, прочитал их и ответил принципиальным письмом: “Ознакомившись с предложениями, считаю уместным сделать некоторые замечания.

1. Моя книга “Воспоминания и размышления” написана в плане личных воспоминаний и размышлений над ними. Рассчитана она на широкого читателя. В проекте главы “Ставка ВГК” я также придерживался этой же цели.

Раскрывать работу Ставки ВГК в большом объёме считаю нецелесообразным. Предложение собрать из других глав материал об отдельных элементах работы Ставки ВГК, безусловно, заманчиво, и оно обогатит главу, но в то же время серьёзно обеднит остальные главы. Поэтому делать этого не следует.

2. В пункте втором: предлагается шире раскрыть вопросы работы Ставки в их исторической последовательности. Этого делать в моей книге не следует. Как работала Ставка в начале войны, когда председателем её был С. К. Тимошенко, вполне достаточно рассказано в главе “Начало войны”. Критика принятых и непринятых решений также дана в этой главе. Специального решения Ставки на стратегическую оборону не было. Она сложилась в результате неблагоприятной для нас обстановки на всех оперативно-стратегических направлениях. Процесс принятия решений Ставки одинаковым не был. Каждое её решение вытекало из сложившейся обстановки и наших возможностей.

Я не возражаю, если это будет дано дополнительно, с приведением интересных исторических документов.

В третьем пункте предлагается разработать вопрос о *предвидении*.

Я лично по состоянию здоровья разработать более детально, чем дано в книге, сейчас не могу.

21.11.73.
Жуков”.

На остальные вопросы он ответил своими пометками на полях рукописи.

К примеру, на предложение в пункте 4-м “шире осветить проблему научного предвидения” кратко и недвусмысленно отреагировал ремаркой: “Я не пишу научный трактат”.

Однако предложения научного консультанта заставили Жукова вновь перечитать текст и внести существенную редактуру и дополнения в те главы, которые полковник Цветаев трогать не хотел.

Размышляя о просчётах немецкого командования, он написал: “Если рассматривать гитлеровский план “Барбаросса” с военной точки зрения, надо сказать, что он построен на шаблоне, без учёта трудностей, с которыми пришлось столкнуться немецко-фашистским войскам, вследствие чего с первых дней война пошла иначе, чем рассчитывало германское командование. В результате, в 1941 году, понеся трудновосполнимые потери, немецко-фашистские войска не достигли ни одной стратегической цели, а в 1942 году гитлеровское командование по своим силам не могло уже вести крупные операции на всех стратегически важных направлениях. Пришлось ограничиться наступлением на юге нашей страны, с целью выйти на Волгу и отрезать от страны Кавказ и Закавказье”.

Из этого письма можно сделать несколько выводов.

Первый: автор не хотел впускать в свои мемуары излишнюю научную чопорность, чтобы обилием архивных сведений не погубить теплоты человеческого документа.

Второе: отмёл принцип “разложить всё по полочкам”, что тоже придало бы книге пресноватый привкус казённости.

Третье, самое главное: автор не хотел разрушать жанр действительных воспоминаний и размышлений.

Двадцать третьего апреля 1974 года Жуков подписал вёрстку и макет второго издания.

Восемнадцатого июня того же 1974 года его не стало.

Он пережил свою жену всего на полгода.

Последние полтора года он сильно страдал. Галина Александровна сокрушалась по поводу резкого ухудшения его здоровья после инсульта. Но ушла раньше.

На консилиум в Сосновку приехали лучшие врачи мира. Проводил консилиум академик Е. И. Чазов. Были известные специалисты из Франции. Уже ничего сделать они не могли. Свеча догорала...

Из воспоминаний Марии Георгиевны: “Потом наступили долгие дни неизвестности — отец был уже без сознания. Могучий организм боролся со смертью. Один раз меня пустили в его палату, и мне стало страшно. Только бегущая светлая точка на экране показывала, что он ещё жив... Через некоторое время я вышла в тёмный коридор, сняла белый халат. Ничего не видя вокруг, спустилась на лифте и вышла на улицу Грановского. Тогда я ещё не представляла, что всего несколько часов отделяют меня от звонка медсе-

стры по телефону: “Георгий Константинович умер”. 18 июня 1974 года, в 14 часов 35 минут остановилось его сердце. В свидетельстве о смерти написали вместо “сердечная недостаточность” “недостаточность сердца”...

По воспоминаниям Эллы Георгиевны, на лице отца в момент, когда подняли простыню, они увидели печать страданий. “Кажется, что он ещё чувствует боль”, — написала она потом в своих воспоминаниях.

Лишь на третий день в газетах появилось сообщение о смерти Жукова.

Дети ждали решения властей о похоронах. Жуков просил похоронить его на родине, рядом с отцом. Но в ЦК решили иначе — кремировать.

Прощание с телом проходило в Центральном Доме Советской Армии. Люди шли со всей Москвы, ехали из других городов и областей. Фронтовики пришли в форме времён войны.

На второй день прощания семнадцатилетнюю Марию Георгиевну и её бабушку Клавдию Евгеньевну неожиданно вызвали в Сосновку — поступило распоряжение срочно освободить дачу. Так и не дали младшей дочери проститься с отцом перед тем, как тело его увезли в крематорий.

Анна Миркина вспоминала: “Двери зала внезапно закрылись, доступ народа прекратился, и в зал вошли члены Политбюро во главе с Л. И. Брежневым. Подойдя к первому ряду, Леонид Ильич каждому лично пожал руку, выразил глубокое соболезнование и... прослезился”.

Через полчаса, вместе со всеми, дочери маршала узнали от распорядителя, что тело отца будет кремировано.

Москвичи, заполнившие тротуары вдоль улиц, по которым двигался траурный кортеж, запомнили одинокую фигуру безногого инвалида в матросской форме. Он выехал на своей убогой самодельной тачке на подшипниках за линию оцепления и плакал, мотая головой и вытирая лицо бескозыркой.

Глава сорок пятая

БЫЛ ЛИ ЖУКОВ ВЕРУЮЩИМ

“Отец был по рождению и воспитанию, по самому своему мировосприятию православным человеком, как православны были его солдаты...”

Вопрос о том, был ли Жуков верующим, возникает время от времени. Видимо, он важен, если сторонники и хулители маршала возвращаются к этой теме снова и снова.

Не утверждая в начале нашего исследования ни веры, ни безверия Жукова, соберём вместе факты и фрагменты его жизни, чтобы из суммы собранного попытаться увидеть то существенное, но незаметное в частностях, порой кажущихся малозначительными, что трудно собрать в общее.

Родился Егор Жуков в православной семье. В воскресные дни вместе с родителями ходил в приходскую церковь в Угодку.

Образование получил в сельской церковно-приходской школе и сохранил и о ней, и об учителях, и об одноклассниках самые тёплые и добрые воспоминания. В том числе и классном законоучителе, заштатном священнике о. Николае Ремизове.

Всю жизнь, вспоминая родину, хранил светлое чувство памяти и уважения, сыновней благодарности своему первому учителю — Сергею Николаевичу Ремизову, сыну приходского батюшки. Уже в поздние годы, чувствуя долг перед учителем, искал его могилу. Хотел поставить памятник.

Учась в школе, пел в церковном хоре.

Брал книги из библиотеки учителя Сергея Николаевича, а также о. Николая. Среди книг были и духовные.

Живя в Москве, вместе с двоюродными братьями и сёстрами ходил на службы и в приходскую церковь, и в храм Христа Спасителя. Набожный дядя Михаил Артемьевич водил их и в другие храмы Москвы, где хорошо пели.

Таким образом, с самого раннего детства, через отрочество и юность образ веры Христовой и православной церкви сплетался в нём с образами родины, родной природы Стрелковщины, с образами лучших людей, земляков. Встречи с земляками всегда были для него желанны. Приезды на родину становились праздниками души.

Полюбил девушку, о которой ходили слухи, что она поповна. Она стала его женой, матерью его детей.

При том, что отношение к церковнослужителям в 1920-е и 1930-е годы со стороны власти было жестоким, ни документы, ни свидетельства современников не донесли до нас ни единого факта участия Жукова в расправах над священниками и монахами.

В 1939 году после короткой, но кровопролитной войны на реке Халхин-Гол в Монголии, командуя группировкой, он разрешил японцам похоронить своих убитых согласно религиозному обряду. Чувствительные к подобным проявлениям человеческой души японцы с восхищением приняли жест великодушия победителя.

Испытывал особое уважение к своему земляку генералу Потапову, зная его тайную религиозность.

В 1956 году Жуков вместе с женой Александрой Диевной отдыхал в Чехословакии в Карловых Варах. Когда курортная лень наскучила, он принялся исследовать окрестности. Однажды узнал, что вблизи есть православная церковь, заложенная ещё Петром Первым. Взял с собой офицера охраны и пустился в путь. Вскоре они поднялись на гору, где стоял храм. Когда они подошли к нему, Жуков обратил внимание на пожилую старушку, стоявшую на крыльце. Она оказалась графиней из русских эмигрантов. Жуков стал с почтением её о чём-то расспрашивать. Историю этой нечаянной встречи двух русских людей в чужих краях рассказал тот самый офицер охраны. Но в момент разговора Жуков дал понять ему, чтобы тот не мешал им, и офицер отошёл в сторону. “Потом мы услышали, — рассказал офицер охраны, — от казака из бывших русских эмигрантов: “Смотрите, вон батюшка бежит сюда!” Священник жил в домике при церкви. В Чехословакию он был прислан из... Одессы. В церкви Жуков и я поставили свечи”.

В другой раз охранник Николай Пучков вспоминал ещё одну странную встречу. Это случилось в Ялте и тоже во время отдыха. К маршалу подошла женщина и представилась внучкой поэта Тютчева. Жуков заинтересовался. Разговорились. Жуков заметил у неё крестик. Она жаловалась, что тяжело живётся, не хватает средств к существованию. “У тебя есть деньги?” — спросил Жуков охранника. Тот всегда носил с собой несколько крупных банкнот. Пучков начал отсчитывать. Но Жуков взял всю пачку и протянул внучке Тютчева. Впоследствии охранник, вспоминая опрометчивую щедрость маршала, сомневался, что встретившаяся на ялтинской улице женщина действительно была внучкой великого русского поэта.

Дочь Мария Георгиевна в книге об отце написала: “Отец был по рождению и воспитанию, по самому своему мировосприятию православным человеком, как православны были его солдаты, вместе с ним перед боем говорившие: “Ну, с Богом!”

Во время войны ходили слухи, что в 41-м, когда немцы подошли к Москве, Жуков личным распоряжением и на своей машине прислал в деревню под Наро-Фоминском священника из Москвы — чтобы окрестить всех детей.

А в 1945 году, когда Берлин взяли, Пасха совпала с днём Святого Георгия Победоносца, сокрушителя змия.

Из книги Марии Георгиевны Жуковой: “В Белоруссии, в Каменецком районе Брестской области, в селе Омеленец находится Свято-Крестовоздвиженская церковь. В годы войны фашисты сняли с неё все колокола и отправили на переплавку в Германию. В период освобождения Белоруссии на звоннице находился наблюдательный пункт советских войск. Кругом рвались снаряды, но церковь осталась нетронутой. Настоятель храма отец Евгений Мисюк с церковного амвона призывал верующих молиться за спасение Отечества, был инициатором сбора и отправки посылок для бойцов, за что получил благодарственное письмо от маршала Жукова. В День Победы 9 Мая

1945 года в Омеленецкой церкви был отслужен благодарственный молебен. Отец Евгений в письме к Жукову написал о молебне, поздравляя его с победой, пожаловался, что все колокола с церкви были увезены оккупантами. Письмо дошло до адресата, и маршал, несмотря на занятость, поручил найти колокола. В районе Познани удалось обнаружить колокола, которые фашисты не успели переплавить — они были не омеленецкие, но всё равно отлитые русскими мастерами. Вскоре от маршала пришёл ответ и посылка... весом в тонну — три колокола! Колокола повесили при помощи прихожан и воинов соседней части. Но тут случилась неувязка: колокола повесили, а звонить местное начальство не разрешило. Тогда отец Евгений с прихожанами написали письмо в Минск, дескать, как же так — колокола подарил Жуков, а звонить в них не разрешают! Высокому начальству ничего не оставалось, как дать “добро”. Такого благовеста ещё не слышала округа! По сей день во время богослужений над селом и окрестностями раздаётся призывный и умиротворяющий колокольный звон”.

В июле 1945 года Жуков, осмотрев православный храм-памятник русской воинской славы в Лейпциге, приказал срочно перебросить сюда сапёрную бригаду для восстановления разрушений и отделки церкви. Церковь была построена в 1913 году в год 100-летия “Битвы народов” под Лейпцигом и сокрушения армии Наполеона русскими, прусскими и австрийскими войсками. Работу, как пишут историки, Жуков принимал лично, “приехал на открытие храма и возжёт в нём лампаду”.

Домашние рассказывали, что в православные праздники — на Пасху, Троицу, Рождество Христово, на Благовещение — он всегда надевал чистую рубаху и пребывал в эти дни в особом расположении духа.

А когда освободили Киев, Жуков разрешил не только в Киево-Печерской лавре, но и во всех уцелевших приходских храмах отслужить благодарственный молебен. В одном из путеводителей я прочитал: “В столице Украины есть чудотворная Гербовецкая икона Божией Матери, которую маршал Жуков отбил у фашистов”.

В Одессе Жуков дружил с офтальмологом профессором Владимиром Петровичем Филатовым, который, как известно, был человеком набожным. Когда над храмом, прихожанином которого был Филатов, нависла угроза закрытия, Жуков сделал всё от него зависящее, чтобы этого не произошло.

Уральцы с благодарностью вспоминают такой факт. Когда маршал узнал, что исправительно-трудовая колония занимает здание Спасо-Преображенского собора, приказал перевести заключённых в другое место.

Когда Жуков уже болел и нигуда из Сосновки не выезжал, к нему однажды приехал его бывший фронтовой водитель Бучин. “Здравствуй, Александр Николаевич!” — радостно встретил его маршал. Посидели, поговорили. Вспомнили фронтовые будни. Бучин потом рассказывал: “...незлобивость, которая была в характере Жукова, начинает прорываться с годами как чуть ли не христианское смирение. Чудно́ это было мне. Что особенно удручало — всенарастающее смирение”. Бучину, отсидевшему в лагере за здорово живёшь, конечно же, хотелось отмщения. Или хотя бы побранить власть. А Жуков пребывал уже в другом состоянии.

Когда его спрашивали, какие качества, в первую очередь, помогли Красной армии, советскому солдату выстоять и победить, он ответил: “Терпение, мужество, величайшая стойкость, любовь к Родине”. Но прежде всех других — терпение. Он говорил это, когда понял всю глубину этого человеческого качества, которое постепенно преобразуется в добродетель.

Родственники вспоминают случай: когда уже похоронили Галину Александровну, Жуков, больной, постоянно чувствуя своё одиночество, однажды в раннюю Пасху включил в столовой радио — “Голос Америки”. Там транслировали концерт Нью-Йоркского симфонического оркестра — звучала “Всенощная” Сергея Рахманинова. За окнами ослепительный снег. Лучи солнца пронизывали сад и всю окрестность, проникали в столовую, скользили по полу и мебели. Он стоял, словно озарённый внезапной догадкой о смысле не только своей жизни, но и бытия вообще. Вспоминал ли он детство? Родителей? Учителей? Дядю и братьев? Своих любимых? Или молился о своих дочерях?

Глава сорок шестая

Легенды, истории и байки о маршале Жукове, человеке и полководце

“Спасибо тебе, солдат! Ты сделал меня маршалом...”

Вячеслав Молотов, будучи уже отставке и не у дел, любил рассказывать такую историю: “Мы с Жуковым практически в одно и то же время выполнили одну и ту же задачу, отодвигая войну: я подписал Пакт о ненападении с Германией, а Жуков на Дальнем Востоке дал отпор японским самураям. Как появился Жуков на Халхин-Голе? Сталин сказал Тимошенко: “Мне нужен такой командир, чтоб он не просто разгромил японцев, а свирепо порвал их на куски, чтоб у них вообще отпала охота идти на север. Пусть устремятся в Океанию! Есть такой командир?” — “Есть”, — ответил Тимошенко и назвал имя Жукова”.

Многие из очевидцев вспоминали, что перед сражением Жуков выбирался куда-нибудь на передовую и за несколько часов до артподготовки брал горсть земли и нюхал её. Словно пытался понять, принесёт битва победу или нет. По этому поводу высказался даже Хрущёв. На пленуме ЦК в октябре 1957 года, после которого Жуков был отправлен в отставку, Никита Сергеевич сказал: “Когда Жуков был в опале, мне Сталин говорил: “Вы хвалите Жукова, а вот Жуков, говорят, землю нюхает...” Сталин, похоже, видел в этом нечто религиозное.

Военный историк Михаил Попов из Твери рассказывал, что, работая над диссертацией, поехал в Архив Министерства обороны в Подольск, и там на одном из приказов 1939 года штаба Первой армейской фронтовой группы обнаружил написанное рукой комдива Жукова: “Всем командирам частей — до начала наступления накормить людей горячими щами и галетами. Жуков”.

В 1945 году, сразу после Победы писатель Константин Федин разыскал Жукова, и у них состоялась обстоятельная беседа. Вот фрагмент, который, кажется, не вошёл ни в один из тогдашних очерков Федина: “...ещё маленькая пауза, нахмуренные и потом вдруг разжатые и поднятые брови, и — нечаянное признание: “Знаете, я недавно подошёл к карте, повёл по ней глазами и думаю: а ведь вряд ли найдется место, где я не был! Шофёр мой — хороший гонщик, мотоциклист Бучин — насчитал, что я с ним 175 000 километров наездил за войну. Это, выходит, сколько раз вокруг света? А я ведь не с ним одним ездил... Да сотни часов налетал на самолётах. Три самолёта износились. Как башмаки... Это — не считая Монголии”.

Конечно, это байка, не больше. Но кто её знает... История помнит случаи, когда из нескольких вариантов правдой оказывался самый невероятный. 1945 год. Ставка. Сталин склонился над разложенной картой, тычет чубуком погасшей трубки: “Ну что ж, Польша и Украина теперь наши, советские. Только как между ними границу провести? Если отталкиваться от истории, то там сам чёрт ногу сломаёт. — Задумался, повернулся к своему главному маршалу: — А что по этому поводу думает товарищ Жуков?”. Жуков подошёл к карте, бегло окинул спорный район. Места знакомые. И в 1940-м там был, и в 1944-м. “Я думаю, вот так, товарищ Сталин”. — И, вспомнив, как стояли его боевые порядки, решительно провёл красным карандашом. Вот так, с лёгкой руки маршала и была определена западная граница Украины.

В Одессе был военторг. Когда Жукова сослали в Одессу командовать войсками округа, он время от времени его посещал. Что-нибудь покупал для жены, дочерей или родственников. Он любил делать подарки. Когда он входил в магазин, персонал пребывал в некотором напряжении. Все вскакивали со своих мест и изображали полное внимание и готовность услужить. Но был в магазине один человек, который не обращал на командующего ровным счётом никакого внимания. И это Жукову нравилось. Маршал букваль-

но любовался его независимым видом, в котором чувствовались и достоинство, и культура. А ведь, казалось бы, всего лишь старик-швейцар. Для него даже стул выставляли у входа, чтобы не утруждал свои усталые ноги. Тем швейцаром был бывший личный конюх Его Императорского Величества Николая Второго. Его знала вся Одесса.

Когда из Одессы Сталин отправил Жукова на Урал, в Свердловск, кто-то из близких друзей маршала, прощаясь, сказал ему: “В Сибирь”. Но “Сибирь” Жукову так понравилась, так хорошо встретили его там уральцы, что он потом будет вспоминать годы, проведённые в Уральском военном округе, как лучшие годы в своей послевоенной службе.

На Урале любят рассказывать такую историю. Во время празднования 7 Ноября на трибуну, где стоял весь партийный актив Свердловска, протиснулся подвыпивший старичок и представился знаменитым большевиком Ермаковым, расстрельщиком царской семьи, и протянул Жукову руку. Маршал не только руку ему не подал, но сурово бросил: “Палачам руки не подаю”, — отвернулся и всё время, пока шла демонстрация и менялись выступающие, стоял к нему спиной. Даже смотреть на него не мог.

Согласно Указу президиума Верховного Совета СССР 1939 года лицам, дважды удостоенным звания Герой Советского Союза, на родине устанавливали бюст. Жуков получил вторую Золотую Звезду в 1944 году. Шла война, и заниматься этим было некогда. После Победы скульптор Евгений Вучетич приехал в Берлин и уговорил маршала позировать ему. Вскоре бюст был готов, отлит в бронзе. Его привезли в Угодский Завод. Но тут начались гонения на маршала. Местное начальство приказало бюст убрать с глаз подальше. Наступил 1953 год. Жуков начал подниматься. Зашевелились и в Калужском обкоме партии: где бюст Жукова? Срочно установить и отрапортовать перед Москвой! Кинулись искать. “Старые рабочие крахмального завода, — пишет в своей книге Мария Георгиевна Жукова, — показали место, где он валялся, — на одном из складов без крыши, забитом горбылём, в куче голубинового помёта...” Специалисты, конечно же, вскоре привели скульптуру в порядок. Постамент изготовили из красного гранита, того самого, который по приказу Гитлера был привезён из Норвегии в Россию специально для сооружения монумента победы Германии над Россией. Когда из Угодского Завода пришло приглашение, Жуков ехать на родину отказался. Сослался на занятость. “Как это я буду присутствовать на открытии собственного бюста? Мне кажется, это будет выглядеть как-то странно и нескромно”. Послал на родину дочерей Эру и Эллу. Бюст свой он увидел через несколько лет, когда приехал на могилу отца.

Когда в 1957-м его терзали на октябрьском пленуме в Москве, пленумы с подобной повесткой дня состоялись и на родине. В Калуге — областной. В Угодском Заводе — районный. Приказано было осуждать — и осуждали. Говорят, на пленуме райкома партии в Угодском Заводе кто-то из особо неистовых партийцев предложил убрать бюст “бонапартиста”. Но здравый рассудок возобладал, памятник не тронули. Однако снег вокруг постамента расчищать перестали. И вот однажды 1 декабря, в день рождения Маршала Победы, в сквер пришла бригада плотников, молодых угодских мужиков. Где-то неподалёку в райцентре они рубили дом, “шабашили”. Сквер в центре села, прямо под окнами райкома партии. Кто-то из секретарей случайно подошёл к окну. И вот он наблюдает такую картину: плотники обошли памятник, обтоптали снег, сняли шапки, постояли и принялись своими шапками смахивать снег с бюста и постамента. Вскоре весь райком стоял у окон и наблюдал за тем, как надо любить свою историю и уважать тех, кто принёс нам Победу. На следующий же день сквер начали расчищать.

Местные рассказывают, что после того пленума из Москвы в Угодский Завод и Стрелковку приезжали какие-то “начальники и начальницы”, ходили по дворам и спрашивали, а нужен ли им этот памятник? Местные отвечали, что Жукова они хорошо знают, что он рос тут, у них на глазах, час-

то приезжал, относился к землякам по-доброму, отдал под библиотеку и клуб свой дом в Стрелковке, что это же он, напоминали они москвичам, привёл наши войска в Берлин... “Мы его знаем и любим. Он — наш. А что у вас в Москве делается, разбирайтесь сами”.

В 1957 году маршал отбыл с официальным визитом в Югославию и Албанию. Из Севастополя крейсер “Куйбышев” вышел 3 октября. Его сопровождали эскадренные миноносцы “Бывальш” и “Блестящий”. При подходе к проливу Босфор крейсер “Куйбышев” в соответствии с нормами морского устава обменялся позывными сигналами с турецким пограничным постом на мысе Шиле. Маршал наблюдал за всем этим с капитанского мостика. Сигнальщик советского крейсера принял от турецкого поста семафор: “Великому Маршалу Советского Союза, высококочтимому полководцу Второй мировой войны. Приветствуем и поздравляем вас с заходом в турецкие воды...” Жуков был изумлён и спросил у стоявшего рядом адмирала Михайлина: “Что, всех так встречают?” — “Так встречают только Маршала Победы Жукова”, — был ответ командира крейсера. В проливе Босфор их встретили американцы. Их корабли стояли в ряд: авианосец, крейсер, несколько фрегатов и эминцев. Экипажи в белой парадной форме были выстроены на верхних палубах по большому сбору. Оркестр играл “Захождение”. Семафор — приветственный, длинный. Ответ с крейсера был коротким — “Благодарю”. Маршал впервые наблюдал торжественную встречу кораблей двух флотов. Он был в восторге.

Англичане, высоко оценивая военный дар Жукова и его вклад в общую Победу, вручили ему британский рыцарский орден — Почтеннейший орден Бани, основанный королём Георгом I в 1725 году. Награда высокая. Жуков получил самую высокую из трёх существующих степеней — почётный Рыцарь Большого Креста. Такую же степень имел русский генерал, командующий I-й Западной армией в 1812 году Михаил Богданович Барклай-де-Толли. Англичане вручили орден Бани ещё двоим нашим маршалам — Коневу и Рокоссовскому, но степенью ниже — Рыцарь-командор. К степени Рыцаря Большого Креста нарезался земельный надел из островной земли. Но Жуков, разумеется, от английской земли отказался. Потому что с ней на родине можно было в два счёта получить статью как “английскому шпиону”. Когда Хрущёв отправил его на пенсию, английская королева прослышала о том, что советский маршал и Рыцарь Большого Креста получает слишком скромный для человека, внёсшего такой огромный вклад в дело всеобщего мира, пенсион. И правда, Жуков получал 415 рублей в месяц, из которых 24 рубля и 87 копеек платил в партком Пресненского машиностроительного завода, где он состоял на партийном учёте, в качестве ежемесячного партвзноса. И вот английская королева пишет Хрущёву письмо: так, мол, и так, поскольку маршал Жуков — почётный Рыцарь Большого Креста — отказался от земельного надела на нашем острове и ввиду его скромного пенсионера, желаю выплачивать ему такую же сумму в рублях, каковую он получает в настоящее время, — 415 рублей. Хрущёв внимательно изучил заморское письмо, покрутил его в руках, поморщился и распорядился увеличить пенсию маршала в два раза.

Из США, что ли, пришло письмо из Литературного общества Марка Твена: “Уважаемый мистер Жуков! Вы окажете нам большую честь, если примете наше предложение вступить в члены нашего Общества, почётными членами которого являются Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль и другие видные политические деятели различных стран мира”. Жуков подумал: что делать? И отдал письмо Молотову. “Рассмотрим”, — сказал Молотов. Прошло несколько месяцев. Жуков молчит, Молотов тоже молчит. Когда они вместе поехали в Польшу, Жуков и спрашивает Молотова: “А как насчёт Общества Марка Твена?” — “А мы им отказали”. — “Да?” — “Отказали! Написали, что Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел ваше приглашение маршала Жукова о вступлении его в члены Общества Марка Твена. Так как маршал Жуков является государственным деятелем, а государствен-

ные деятели в СССР не являются членами литературных обществ, то он не может принять ваше предложение. Вот так...”

Первая жена Жукова Александра Диевна дружила с женой Хрущёва Ниной Петровной. Та была баба досужая, и всё сочувствовала Александре Диевне и бранила маршала распоследними словами за то, что тот влюбился в молодую и оставил Александру Диевну. Однажды поинтересовалась, а сколько же Георгий Константинович даёт ей в качестве алиментов? “Двести рублей в месяц”. — “Мало!” — вспыхнула Нина Петровна. Самой Александре Диевне эта сумма казалась достаточной. Дети выросли. А внуков ведь дед содержать не обязан. Но подруга так горячо убеждала её, так ей сочувствовала, что Александре Диевне вскоре стало казаться, что действительно — мало. И вот они вдвоём пришли на приём к первому секретарю Краснопресненского райкома партии товарищу Колчину. Так, мол, и так, бывший муж мало платит. Колчин потом рассказывал: “Я всё же убедил Александру Диевну Жукову в том, что получаемые ею от маршала 200 рублей в месяц вполне достаточны для жизни, ибо все простые советские пенсионеры получают от государства 120–132 рубля в месяц. Но труднее было убедить в этом Нину Петровну...”

Известно, что маршал был весьма неравнодушен к прекрасному полу. Женщин у него было несколько. Всех любил. Всех так или иначе обеспечил. Заботился о детях. Не допуская разнузданности, мог залобоваться какой-нибудь особой. Одним словом, на женщину он смотрел как на создание природы. В штабе 1-го Белорусского фронта работала телеграфисткой Надя. За неё ухаживал начальник секретной части штаба старший лейтенант Иван Безверхий. Они потом поженились. Надя была хороша собой. Особенно красивыми были руки. Так вот Жуков, диктуя ей шифровки, глаз не отрывал от её рук. Любовался, как она работает, её движениями. Впоследствии Надежда Александровна признавалась, что очень смущалась, когда Жуков наблюдал за её работой на телеграфном аппарате “Бодо”. Женщина ведь мгновенно улавливает, кто на неё смотрит, начальник или мужчина.

Другую историю рассказывал начальник охраны майор Николай Харлампьевич Бедов: “На пути жуковского автомобиля оказался низкий прогнущийся мостик через речку глубиной по колено. Георгий Константинович вышел из машины и стал наблюдать с бугристого бережка, как форсируется водное препятствие. По мостику, подпираемому десятью молодцами охраны, машина медленно катилась от одного конца к другому. В это время метрах в двадцати от переправы женщина переходила речку вброд. В одной руке она держала подол юбки. Подняв глаза вверх, она неожиданно встретила взглядом с наблюдавшим за её перемещением Георгием Константиновичем, и в испуге, смешанном со стыдом, бросила подол в воду, чтобы закрыть оголённые выше колен ноги. Не отводя взгляда от лица сидевшего на травке военного, женщина громко прокричала: “Кобель! Настоящий кобель!” Женщина была, правда, очень красивая”.

Василий Песков брал интервью для “Комсомольской правды”. Спросил маршала: “Георгий Константинович, вопрос невоенного характера. Какие из человеческих чувств, по-вашему, сильнее всего пробудила в людях война?” Жуков: “Ни одно из человеческих чувств на войне не затухало”. В том же интервью маршал сказал: “Я счастлив, что родился русским человеком”.

После Победы в Группе Советских Оккупационных войск в Германии произошёл такой случай. Солдат-срочник за отличную службу получил отпуск домой. Поехал. А когда возвращался из России, у него на вокзале украла бумажник. В бумажнике — документы, деньги, проездные требования и прочее. И вот этот самый солдат, не имея никаких документов, свидетельствовавших о том, что он проходит службу в ГСОВГ, тем не менее вовремя является в распоряжение своей части и докладывает командиру о прибытии. При этом докладывает и о потере документов. Командир части в недоумении: что делать, надо ведь как-то наказывать растяпу... Дело дошло до командующего. Жуков, услышав историю о том, как молодой солдат “зайцем”

преодолея тысячу километров на поезде, при этом миновал парные пограничные посты трёх государств Варшавского договора. “Где этот солдат? Доставьте его сюда! Хочу поблагодарить его за службу и находчивость!” Солдат прибыл. Браво доложил. Маршал обошёл его вокруг. Форма сидит хорошо, постирана, опрятна. Подворотничок свежий. Сапоги начищены так, что отражается паркет. “Откуда родом?” Солдат назвал область. “Молодец! Объявляю благодарность!” — И пожал солдату руку.

Однажды кто-то из журналистов спросил Жукова: “Знали ли вы чувство зависти?” — “Да! — с жаром ответил он. — Всегда завидовал Будённому — очень виртуозно на баяне играл, мне до таких высот было не подняться!..” Офицеры охраны рассказывали, что иногда перед крупными сражениями, когда не спалось, Жуков брал баян и потихоньку, сидя где-нибудь на брёвнах в саду, играл мелодии русских народных песен. Получалось у него не очень складно, но задумчиво. К концу войны играл уже хорошо.

После Октябрьского пленума, когда маршала всячески распинали, отправляя в отставку, везде проходили партийные собрания и партактивы — обсуждалось постановление пленума и осуждался “бонапартист” Жуков. Его обвиняли “в попытках вывода Вооружённых Сил из-под партийного контроля и сосредоточении в своих руках необъятной власти с целью установления диктатуры, в авантюризме во внешней политике, создании в армии своего культа личности”. Жуков тогда ещё состоял на партучёте в Министерстве обороны. И вот идёт собрание коммунистов. Выступает секретарь партбюро контр-адмирал Фёдоров. Он смело осудил “бонапартизм” бывшего министра обороны и передал слово доктору военных наук генералу Каменскому. Тот должен был как учёный научно, так сказать, развенчать в глазах коммунистов аппарата Минобороны “культ” “бонапартиста”: “...Всё Жуков да Жуков. Жуков — полководец!.. Какой же он полководец? Вот Македонский, то был полководец! А Жуков... Какой он полководец? Он даже ни разу не присутствовал на партийном собрании...” И вдруг встаёт коммунист капитан Прозоря: “Разрешите, товарищ профессор, спросить?” — “Да, пожалуйста”. — “У меня такой вопрос: а маршал Конев член партии или нет?” — “Да, маршал Конев — коммунист. Член нашей партии с восемнадцатого года”. — “А он — полководец?” — “Конечно. Под его руководством наши войска провели ряд крупнейших успешных операций”. — “Так он тоже ни разу не был у нас на партсобрании...” Вскоре дотошного капитана Прозорю отправили служить в войска. И вообще аппарат, созданный Жуковым, начали помаленьку разгонять.

Хрущёв боялся Жукова. И его независимости, и авторитета в войсках и народе. Похоже, он действительно опасался переворота. И спустя многие годы после Октябрьского пленума, словно оправдываясь в том, что по Жукову в своё время было принято решение, сказал: “Когда в 1957 году обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты, то Москаленко активно выступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании Пленума ЦК КПСС, а в более узком кругу лиц, когда Москаленко со страстью обвинил Жукова за поползновение к захвату власти, а Жуков с его солдатской грубостью, с его солдатской прямоотой (а я верю Жукову, что он сказал правду) бросил ему: “Что ты меня обвиняешь? Ты же сам мне не раз говорил: “Чего ты смотришь? Бери власть в свои руки, бери!..”

Хрущёв, став главой государства, загорелся желанием стать маршалом. Для этого, прежде всего, необходимо было согласие маршалитета — Маршалов Советского Союза и главных Маршалов родов войск. Один из маршалов, близких к Никите Сергеевичу, видимо, из подхалимских побуждений начал объезжать маршалов с подписным листом. Лист не подписали ни Рокоссовский, ни Конев. Главный Маршал авиации Голованов так и вовсе обругал визитёра. И вот хрущёвский маршал прибыл к Жукову. Маршал в то время жил на подмосковной даче. “Доложите Георгию Константиновичу, — приказал он офицеру, встретившему машину у ворот, — что прибыл маршал такой-то”. Офицер кинулся исполнять приказ. Вскоре вернулся, браво вскинул

к фуражке руку и доложил: “Четырежды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков приказал передать, что он не знает маршала *такого-то!*” Тот опешил. Маршал-то был послевоенный, хрущёвский, “списочный”, как их называли тогда настоящие, боевые маршалы. Историю эту рассказал Главный Маршал авиации А. Е. Голованов писателю Феликсу Чуеву. Заканчивается она так: “Да, были люди... Так и не стал Первый секретарь ЦК партии и глава правительства Н. С. Хрущёв Маршалом Советского Союза. Граждане с хорошей памятью и неравнодушные, жившие в 60-е годы, помнят снимок в центральных газетах: Н. С. Хрущёв в форме генерал-лейтенанта сидит в президиуме среди Маршалов...” А тем “списочным” был, по всей вероятности, Булганин.

А вот уже и не байки, а доподлинные документы. “ОСОБАЯ ПАПКА. СОВ. СЕКРЕТНО. СССР. КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР. 7 сентября 1959 г. № 2668—ш. гор. Москва. Товарищу Хрущеву Н. С. 19 августа сего года по случаю смерти генерал-лейтенанта КРЮКОВА жена последнего, известная певица Русланова, устроила поминки, на которых в числе других были Маршалы Советского Союза т.т. Будённый С. М. и Жуков Г. К. В процессе беседы среди присутствующих был поднят вопрос и о принятом Постановлении Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям. Тов. Жуков по этому вопросу заявил, что если он был бы Министром обороны, он не допустил бы принятия Правительством нового Постановления о пенсиях военнослужащим и их семьям. Далее он сказал, что тов. Малиновский предоставил свободу действий начальнику Главного Политического Управления генералу армии Голикову, а последний разваливает армию. В газете “Красная Звезда”, — продолжал Жуков, — изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена”. Высказывания Жукова по этому вопросу были поддержаны тов. Будённым. По имеющимся в КГБ при Совете Министров СССР данным, большинство офицерского состава Советской Армии правильно восприняло Постановление Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям. Председатель Комитета Госбезопасности А. Шелепин”. Эта докладная председателя КГБ была обсуждена 11 сентября 1959 года на заседании Президиума ЦК КПСС. Было принято следующее решение: “Поручить Секретариату ЦК в соответствии с обменом мнениями на заседании Президиума ЦК принять необходимые меры в связи с фактами, изложенными в записке КГБ (т. Шелепина) от 7 сентября 1959 г.”. Да, большое значение партия придавала личности Жукова. Бросил на поминках словечко, и уже Президиум ЦК этим занимается... Старика маршала Будённого, трижды Героя Советского Союза, члена ЦК и т. д. и т. п., заставили дать ЦК письменное объяснение: “В ЦК КПСС. На поставленные мне т. т. Л. И. Брежневым и А. И. Кириченко вопросы о том, что был ли я 19 августа на похоронах и на поминках генерала Крюкова вместе с маршалом Жуковым, где он якобы в моём присутствии говорил о развале армии, о необоснованном возвышении тов. Голикова Ф. И. и принижении тов. Малиновского Р. Я., а также по пенсиям военнослужащих? Отвечаю: 1. На похоронах генерала Крюкова не был (был занят на заседании Президиума ЦК ДОСААФ). 2. Жукова я видел всего минут 5–10, во дворе дачи Руслановой, когда я вечером (около 7 часов) с женой пошёл к Руслановой, чтобы оказать человеку внимание в тяжёлую минуту. В это время присутствующие на поминках разъезжались. Среди них был и маршал Жуков. При этой встрече маршал Жуков ни о чём подобном не говорил. 18.9.59 г. С. Буденный”. Идите, мол, к чёрту!..

Константину Симонову Жуков, размышляя и о своей отставке, и не только и ней, говорил: “Есть в жизни вещи, которые невозможно забывать. Человек просто-напросто не в состоянии их забыть, но помнить их можно по-разному. Есть три разных памяти. Можно не забывать зла. Это одно. Можно не забывать опыта. Это другое. Можно не забывать прошлого, думая

о будущем. Это третье. Мне пришлось пережить в своей жизни три тяжёлых момента. Если говорить о третьем из них, то тут в чём-то, очевидно, виноват и я — нет дыма без огня. Но пережить это было нелегко...”

В 1956 году, когда Жуков занимал пост министра обороны, генерал Серов дал ему почитать его досье. Пять увесистых папок. Предшественник Серова генерал Абакумов потрудился... Офицер охраны Сергей Марков потом вспоминал: “Когда Жуков ознакомился с досье, последовала команда Серову об увольнении из органов КГБ бывшего начальника охраны в годы войны Н. Х. Бедова, его заместителя М. М. Агеева, бывшего коменданта дачи Б. С. Ермишина и некоторых других офицеров, которые, как оказалось, были причастны к фальсифицированным доносам на Жукова”.

Приехал маршал в Гурзуф. С женой Галиной Александровной и маленькой дочкой Машенькой. В то время он уже был в опале. Приехал поездом, без телеграммы. Поезд пришёл рано утром или ночью, так что ворота в военный санаторий оказались запертыми. А сторож куда-то пропал. К воротам подошёл кто-то из отдыхающих, посмотрел на стоящих по ту сторону ворот и тут же убежал. И вдруг из дверей санатория выбежала толпа молодых офицеров. Целая рота! “Ребята! Да это же наш маршал Жуков!” Кинулись искать сторожа. Где там! Не нашли. “А ну, ребята, поднажми!” И ребята вытащили из земли железные кованые ворота и поставили к дереву. “Проходите, товарищ Маршал Советского Союза!”

Всё и всех Жуков мерил войной. Как-то в одном споре, где произошло имя некоего генерала, в последнее время благодаря различным обстоятельствам получившего большое положение в Министерстве обороны, Жуков сказал: “А кем он был во время войны? Знаете? Он был капитаном и носил мой портфель”.

Книгоцей он был страстный. Собрал большую библиотеку. Иван Прядухин вспоминал так: “Военная литература на даче находилась в шеренгах казённых книжных шкафов”. Но в этих шеренгах были, разумеется, не только военные книги. Много было русской и зарубежной классики. Любил и современных писателей. Со многими из них был знаком. Обладал хорошей памятью. И часто, как это бывает у людей начитанных, реальную жизнь совершенно естественно смешивал с литературой. Когда на даче в Сосновке появилась редактор Анна Миркина, узнав о её образованности и услышав её игру на рояле, воскликнул: “Галюша! Нам с редактором моей книги повезло! По-французски говорит, на фортепианах играет! И — фигура!..” Когда он читал рассказ И. С. Тургенева “Однодворец Овсянников”, неизвестно. Но сцену, где смоленский помещик, выкупив у своих крестьян за целковый французского барабанщика, которого те собирались топить в проруби, запомнил хорошо: “Вот, дети, учитель вам сыскан... и француз, и на фортепьянах играет...”*

Был чрезвычайно чуток к языку. Мария Георгиевна рассказывала: “Однажды я сказала: “Пойдёмте кушать”. Отец ответил довольно строго: “Нет такого слова в русском языке, надо говорить “есть””.

О страсти к танцу. Монголы любили маршала, называли его “Великий Монгол” (такого титула в Монголии был удостоен только один человек — Чингисхан) и, зная его юношеское увлечение, подарили ему миниатюрную скульптуру — танцующие монгольские парень и девушка. Жуков осмотрел миниатюру с интересом и, улыбаясь, сказал: “Она танцует, а он возле неё кружит, кружок выписывает...”

---

* — Вот, дети, — сказал он им, — учитель вам сыскан. Вы всё приставали ко мне: выучи-де нас музыку и французскому диалекту: вот вам и француз, и на фортепьянах играет... Ну, мусье, — продолжал он, указывая на дрянные фортепьянышки, купленные им за пять лет у жида, который, впрочем, торговал одеколоном, — покажи нам своё искусство: жуэ!

Однажды директор АПН Владимир Ларин, заранее договорившись с маршалом о встрече в определённый час, задержался минут на десять — не мог открыты задвижку на калитке жуковской дачи. Человек деликатный и скромный, он счёл неуместным просто покричать, позвать кого-нибудь из obsługi маршальской дачи. И вот, наконец, кое-как справившись с замком, явился к Жукову. Тот даже не поздоровался, посмотрел на напольные часы и произнёс: “Человек, который опаздывает более чем на пять минут, не соответствует занимаемой должности”.

Некто из военных консультантов Института Военной истории при подготовке “Воспоминаний и размышлений” к изданию начал энергично настаивать на том, чтобы изменить название главы “Сталинградская битва” на “Битву на Волге”. Мотивировал свою настойчивость тем, что теперь, мол, так принято, что во всех изданиях, посвящённых истории войны, пишут не “г. Сталинград”, а “г. Волгоград”. Имя Сталина снова попало под запрет и вымарывалось везде, где только можно. Жуков сурово посмотрел на учёного с генеральскими погонами и твёрдо сказал: “Волгоград, говорите? Я такого города во время войны не знал”. Вопрос был снят.

Разговор с редактором мемуаров журналистом АПН Анной Миркиной:

— Георгий Константинович, как могло получиться, что после всего, что вы сделали, Сталин отправил вас в Одессу, а затем в Свердловск?

— Зависть к моей славе. А Берия всячески это чувство подогревал. Припомнили мою способность возражать Сталину.

— А теперь вы простили Сталину то, что так несправедливо с вами поступил?

— Я просто вычеркнул это из своей памяти в отношении к Сталину. Он сделал некоторые шаги для примирения: восстановил кандидатом в члены ЦК, послал меня к Молотовым в Польшу. Думаю, что он хотел сделать меня министром обороны, но не успел, смерть помешала. Сталин был талантливым организатором. Благодаря и его усилиям мы смогли в войну организовать нашу государственную машину, направив всё на победу. И потому в моём сознании его плюсы перевешивают его минусы, за исключением массовых репрессий — этого простить нельзя.

— Ну, а Хрущёв? Почему он вас отстранил от обязанностей министра обороны?

— А этот просто боялся конкуренции. Был момент, когда он зашатался, а я обеспечил ему поддержку армии. Он тогда меня искренне благодарил, но выводы сделал: а вдруг я пожелаю сесть на его место. Тогда Эйзенхауэр был уже президентом США; Хрущёв думал, наверное, что и я мечтаю стать главой государства. Напрасно! Я никогда не хотел государственной власти — я военный, и армия — моё прямое дело.

Работа над “Воспоминаниями и размышлениями” настолько увлекла маршала, что какое-то время он забывал даже побриться. И вот однажды приехал с дачи в Москву в свою квартиру на Спиридоновке. Вахтёрша не признала его и говорит: “А вы к кому?” Он бегло осмотрел себя: в дачном плаще, с кошелёком в руках, да ещё и небритый. Скромно доложил: “К себе. Я — Жуков”. Вахтёрша всплеснула руками.

Чтобы отвлечься от напряжённой работы над рукописью “Воспоминаний и размышлений”, Жуков пригласил своего редактора побродить по саду. Зашёл разговор о музыке. Жуков вспомнил, как лихо играл на гармошке его друг из Стрелковки, когда они с ним на пару покоряли сердца окрестных девиц. Потом заговорил о Лидии Руслановой. Потом вдруг замолчал. “Знаете, я тут читал недавно интервью с одним известным военачальником. На вопрос корреспондента, какого композитора он предпочитает, тот ответил: “Берлиоза”. М-да, Берлиоза... Я его хорошо знаю и совершенно уверен, что он не только не знаком с произведениями этого композитора, но и произнести правильно, без запинки, его имя вряд ли сможет. А всё вы, журналисты, сочиняете!” Снова замолчал. “Нет уж! Когда меня не станет, напишите,

что больше всего любил русскую народную песню с её широким раздольем, задумчивой напевностью и задушевностью, что за сердце берёт! Для меня “Степь да степь...”, “По диким степям Забайкалья...” или “Валенки” значат больше, чем какая-нибудь рапсодия, представляющая несомненную ценность в истории музыки. Но я русский, деревенский человек, и для меня русская народная песня всегда олицетворяла Отечество и была напоминанием о родной деревне и родительском доме в Стрелковке”.

Земляки из Угодского Завода приезжали к нему довольно часто. Это были самые желанные гости. Привозили картошку, грибы... Тёща Клавдия Евгеньевна, бывало, скажет: “И зачем было мешок картошки в такую даль тащить. Вон она, в магазине, десять рублей — мешок!..” — “Ничего вы не понимаете”, — отмахивался Жуков.

Когда стал уже плох, своим землякам из Калужской области, приехавшим в очередной раз в гости с деревенскими гостинцами, сказал: “Теперь трудно вилку держать, а прежде Берию с креслом поднимал”. Разговор этот состоялся 4 декабря 1971 года. Земляки спрашивали про арест Берии.

Главный Маршал авиации А. Е. Голованов рассказывал Феликсу Чуеву: “Жуков в последнее время заметно переменялся. Стал человечнее. Сейчас он очень болен. Узнал, что у жены рак, и его тут же, в больнице, хватил инсульт. Разговаривает с трудом, возят его в коляске. А когда был здоров, говорил: “Мы с Галиной Александровной думали, что у нас много денег, а оказалось, ничего нет. Пенсия 400 рублей, из них первой жене посылаю 200 — ей-то какое дело, что я уже не министр? Попросил солдата сдать мой баян в комиссионку, принёс 500 рублей. Я бы мог, конечно, ездить на трамвае, но я ведь одиозная фигура, меня будут снимать для иностранных журналов!”

Как известно, маршал завещал похоронить его в земле, на родине в Угодском Заводе, рядом с отцом. Сожгли. Анатолий Пилихин ехал на похороны на Красную площадь в такси. И таксист в сердцах стискивал зубы: “Я воевал на Курской дуге. На войне имя Жукова нам придавало храбрости и сил. Сожгли нашу гордость и славу... И ведь похоронят рядом с Мехлисом...”

Маршал авиации С. И. Руденко вспоминал: “Мне Жуков больше всего понравился при подписании им Акта капитуляции германских Вооружённых сил. Он достойно представлял нашу страну. В Карлсхорсте ощущалось, что Жуков характером сильнее, чем союзные генералы. По залу пошёл шёпот: “Жюкоф! Жюкоф!”, когда появился наш маршал. Он шёл твердой военной походкой. Кейтель по-русски спросил о полномочиях. “Подпись здесь”, — отрезал Жуков (записанная стенографистками фраза). После принятия капитуляции Германии к Георгию Константиновичу Жукову началось паломничество. В лице Жукова выражалось величие и почтение к советскому народу. Вслед за деловыми переговорами произносились тосты. По завершении одного из приёмов в своих суконных костюмах все запарились. Сняли кители. Жуков скомандовал: “По стакану!.. Кофе или чай?”

Военный историк Н. А. Светлишин вспоминал: “Однажды мне показали солдата-артиллериста, с которым маршал Жуков ел из одного котелка кашу. “Неужели, правда?” — не удержался, спросил я бойца. “Обычное дело, — заверил меня пожилой солдат. — Подошёл, присел рядом на станину орудия, расспросил о доме. Ну-ка, говорит, попробую, чем моих орлов кормят! Адьютант подал ему ложку...”

Однажды во время какого-то торжества, посвящённого нашей светлой Победе, к маршалу подошёл солдат. Он был в гимнастёрке, которую бережно сохранил с военной поры. На груди Золотая Звезда Героя. И сказал: “Спасибо вам, товарищ маршал, вы сделали меня Героем!” Жуков пожал Герою руку и ответил: “Спасибо тебе, солдат! Ты сделал меня маршалом!”